

КРОКОДИЛ

№ 2 • ЯНВАРЬ 1973

Есть еще, к сожалению, руководители, которые рады побездельничать, если можно сослаться на стихийные невзгоды.

— Ух, хорошо! Опять мои приборы показывают нерабочую погоду...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Д. ЯСИНОВСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ЛОЖКА ДЕГТЯ

— Куда, Казбек Калиевич? — спросил шофер.

— Как куда? — удивился председатель исполкома. — Конечно, на стройку.

Шофер нажал на акселератор. Надо было торопиться. Казбек Калиевич Альжапаров самолично руководил строительством нового современного здания, призванного облагородить райцентр Ленинское, Кустанайской области. Председатель исполкома был взыскательным заказчиком. Пришлось издалека выписать мастеров, имеющих богатый опыт отделки дворцов культуры, клубов и детских садов.

Впрочем, объект, возводимый в центре райцентра, мало походил на клуб или детский сад. Он скорее смахивал на дворец. И, конечно, неспроста. Это был индивидуальный жилой чертог председателя метров на сто с гаком — пиршественный зал, гостиная, кабинет, спальня, детская, уютный санузел, веранда и кладовая...

В радужном настроении прибыл Казбек Калиевич на стройку. И тут же омрачился, увидев на стене сарая надпись, выведенную битумом: «Казбек-бай!» Ах, зачем, зачем надо было кому-то из несознательных рабочих пачкать дерзкой надписью такую большую, светлую стройку!

— Закрасить! Убрать! Вызвать сантехников!

— Не придут сантехники, — засомневался шофер. — Игнорируют сантехники...

— Тогда гони на теплотрассу. Лично мобилизую людей.

Подкатив к работавшей у трассы бригаде, председатель без околичностей скомандовал:

— А ну-ка заберите свои шмотки — и марш на мою стройку! Иначе посажу на пятнадцать суток за игнорирование...

— Так ведь теплотрасса-то тормозится, — смущенно пробормотал бригадир. — И прораб опять же серчает.

— И прораба посажу! — пообещал председатель. — Пусть знает, под чьим небом существует...

Дождавшись, пока сантехники, не устояв перед угрозами, собрали инструмент и отправились на стройку, Альжапаров отбыл в райисполком. Пора было начинать прием посетителей.

...Первым в кабинет председателя вошел заведующий райфо Садык Агайдаров. Без особых предисловий о погоде и здравии он сказал:

— Я облюбовал тут один красивый дом, председатель. Прошу тебя, как старого друга, разреши его занять.

— Но ведь и года не минуло, Саке, как я тебе дал красивый дом. Куда его денешь?

— Ах, Казбек, старый друг, куда едет одно колесо арбы, туда едет и другое! А разве ты плохое жилье себе отгрохал два года назад? Небось, обошлось оно государству тысяч в сорок... Однако же строишь особняк новый. И опять же на госсредства...

— Не говори так, — насупился председатель. — Это не просто госсредства, а свободные бюджетные средства...

— Пусть так, — согласился заведующий райфо. — Все равно не отказывай мне, прошу. Я ведь тебе не отказывал, когда надо было открыть финансирование твоих строек.

Садыку для большей убедительности хотелось выложить еще многое. Ему хотелось напомнить, как Альжапаров заставлял начальника ПМК Элеватормельстроя Матяра перебросить на персональную стройку дефицитные стройматериалы. Ему хотелось сказать о том, как председатель содействовал своим друзьям Ибраеву и Укубаеву незаконно выстроить из совхозных стройматериалов огромные каменные дома. Ему хотелось сказать о том, как, перетащив из Кустаная свою дочку с зятем, он тут же предоставил им отдельный дом, хотя в областном центре за ними осталась отдельная благоустроенная квартира...

Но тут Альжапаров, почуяв неладное, согласился:

— Ладно, Саке. Переезжай в свой красивый дом и живи там на здоровье.

Следующим посетителем был директор райбыткомбината Малимоненко. Тут уж пришлось подняться навстречу.

— Чем могу служить, Николай Васильевич?

— Пустяком, пустяком, председатель. Дай, пожалуйста, указание райархитектору Морозу, чтобы он в акте приемки указал не оба дома, что я выстроил, а лишь один.

— А второй?

— Его пусть не заметят. Пусть он ни в каких записях не фигурирует...

— А строители не выдадут?

— Так со строителями мы составили фиктивный договор на ремонт сараев.

— Будет дано указание, — пообещал председатель. — Но скажи, как там дела с моей супругой Улбосын?

— Полный порядок! Зачислили мастером четвертого разряда. Должен тебе сказать, что все это не так просто. Она ведь десять лет нигде не работала. Да двенадцать лет стажа записаны в трудовой книжке без указаний конкретных документов. В нашем деле главное — чуткость.

— Именно, Николай Васильевич, именно. Так что иди спокойно, будет дано указание...

Не успел закрыть за собой дверь директор райбыткомбината, как в кабинет председателя стремительно вошел начальник милиции капитан Ахмеджан Жетписпаев.

— А обо мне-то забыли! — горестно сказал он. — Такому преданному человеку, как я, и негде приклонить голову...

— Как? И тебе еще одну квартиру?

— А чем я хуже других? Тоже, небось, служу верой и правдой... Когда архитектор Мороз совершил в пьяном виде аварию, кто поддержал предложение вашего зятя Карима Тургунова смазать это дело? Я! Да что там Мороз! Я самого Тургунова приголубил. А ведь помните, с какой формулировкой он пришел к нам из областной милиции: «служебное несоответствие»... Другой бы заколебался, а я — нате вам. Так заслужил я поощрение или как?

— Или как, — вздохнул председатель, — придется поощрить и тебя. Вот ключ, занимай мое бывшее жилье. Конечно, надо было бы отдать его главврачу Конoнцеву — живет, говорят, не ахти как, да и дочку мою пристроил на работу... Однако пусть подождет. Ладно, бери ключ и не давай Карима в обиду.

— Будет сделано, Казбек Калиевич.

А следующим на прием явился уже я. Мне хотелось напоследок уточнить, что это за «свободные бюджетные средства», которыми так свободно оперирует Альжапаров и за счет которых он соорудил себе дом.

Оказалось, что это деньги, отпущенные на оборудование школ, школы-интерната, детсадов, а также на благоустройство райцентра, весной и осенью тонущего в грязи. Оказалось, это деньги, не использованные на ремонт здания, где помещается редакция районной газеты, и полусгнившего домика, где находится райсобес...

— Кто сказал? — удивленно-возмущенно вскричал Альжапаров. — Зачем сказал?!

Я пояснил, что об этом знает весь райцентр, да и сам я убедился, что все сказанное в письме его земляков — истинная правда.

— Какое письмо? Где письмо?

Тут пришлось прочитать выдержку из послания в редакцию:

«Как может руководитель райцентра строить себе дом на сто квадратных метров, когда рядом ютятся в домишках без отопления, без воды многодетные семьи?..»

— Я так и думал, — сердито произнес Альжапаров, — обыватели пишут. Не могут понять, что первый человек в районе должен жить в первоклассном доме... Ах, зачем, зачем понадобилось кому-то пачкать дегтем нашу большую, светлую стройку?!

Кустанайская область.

— Где же я их видел!

СМ. СТР. 13

ВИЛЫ В БОК!

НАПУГАЛИ

Волгоградцы негодующе недоумевают. К ним в Кировский район привезли оборудование трех аттракционов для парка.

Привезли, свалили кучно, и оно так кучно и лежит. Год лежит и под совсем открытым небом.

Но это же без труда объяснимо. Кто же за него будет браться, если с самого начала кучу увенчали строжайшим плакатом: **«Подход к оборудованию строго запрещен! Штраф — 50 руб.»**

Вот и сунься тут.

А. ЛЕКСАНДРОВ

Секрет омоложения

Мы не будем разглашать возраст Клавдии Солосиной, отметим только день ее рождения — 29 августа.

Но как-то так вышло, что в деревне, где она родилась, родителям ее выдали свидетельство о рождении с датой 31 сентября.

В то время Клавдия не обратила на это внимания, но вот недавно, когда пришла получать в городе Чаплыгине, Липецкой области, паспорт, то подсказала работникам паспортного стола, что сентябри более тридцати суток не тянутся.

— Сами с усами! — обиделись работники. — Сами ученые! Раз в документе указано «31 сентября», значит, так оно и было.

И Клавдия Солосина опять помолодела без всякой волокиты.

Е. КТОТОВ

«Олимпийская надежда»

На химкомбинате «Капролактам», что в гор. Дзержинске, наконец-то решили вовлечь в ряды физкультурников широкие трудовые массы. Особенно здесь позаботились о людях с избытком веса и почтенного возраста.

Происходит это так. Дважды в день более тысячи человек проползает под поездами, стоящими на путях. Через семь железнодорожных путей и два узкоколейных. На работу... Через два узкоколейных и семь железнодорожных. С работы...

— Трудно было только поначалу, — вспоминают капролактамовцы. — Но стоило стать на четвереньки, как мы почувствовали себя на старте.

Сейчас физкультурники находятся в отличной форме. И даже надеются, что следующая Олимпиада будет проводиться у них в Дзержинске. Впрочем, мост через железную дорогу придется все-таки построить. Хотя бы для болельщиков.

М. НАУМОВА

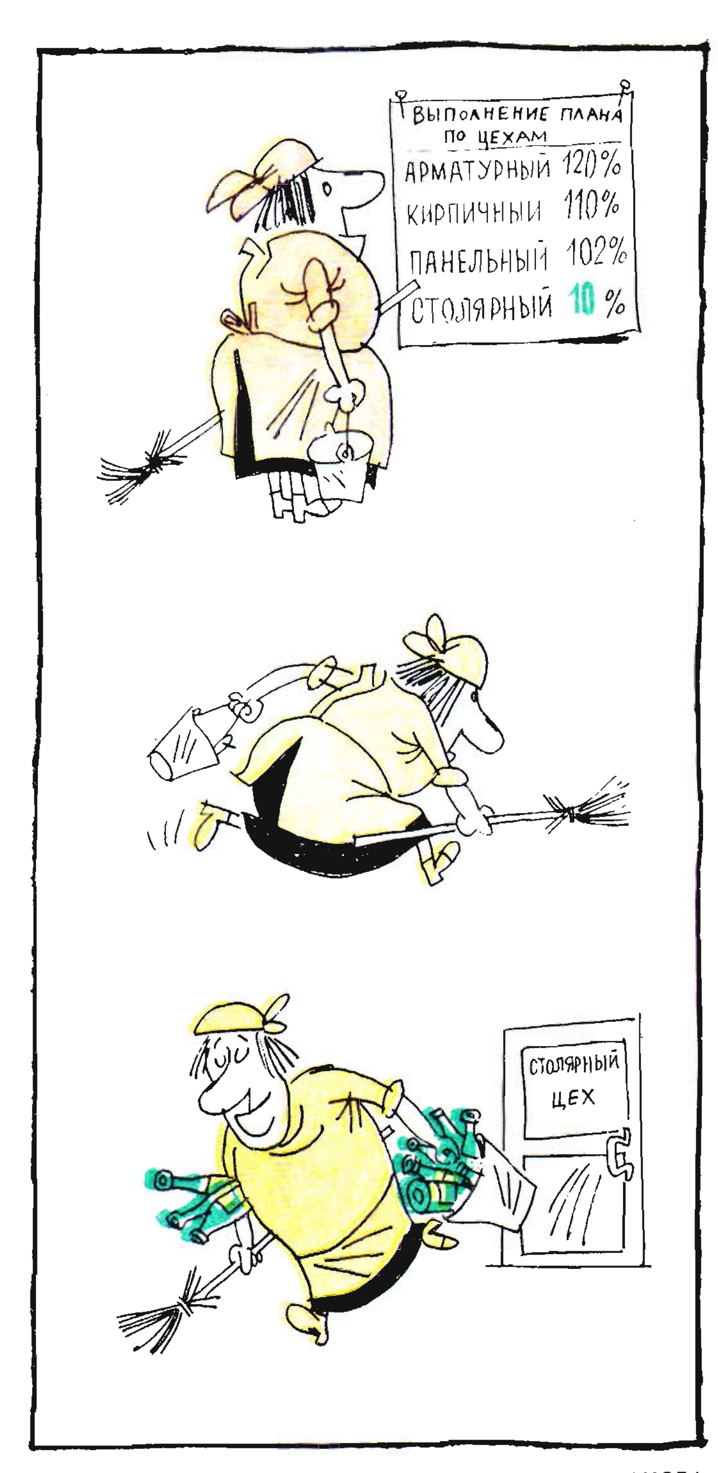

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

ХОББИ

Хобби, как правило, —
страсть невинная,
стойкая, правда, порой
многолетняя.
Иной готов за полушку старинную
снять с себя рубашку последнюю.
Кто на досуге мается с удочкой,
молча уставясь в водицу мутную,
кто коллекционирует дудочки
от Робина Гуда до Бени Гудмана.
Тот на горные пики лазает,
этот бредит пустынею Гоби...
Разные люди и страсти разные,
и все это вместе взятое —
хобби.
Но хобби бывает
опасней, чем порох,
на тучной ниве торговли
в особенности,
поскольку есть граждане,
хобби которых —
хищение социалистической
собственности.

г. Киев

Н. ФЕДЮРКО

ПУТЕМ ПРЯМОГО ПЕРЕВОДА

— Слыхал! Наш пьяница
из треста
Уж перешел в другое место!
— Сам перешел!!
— Ах, нет, прости:
Пришлось его...
перенести!

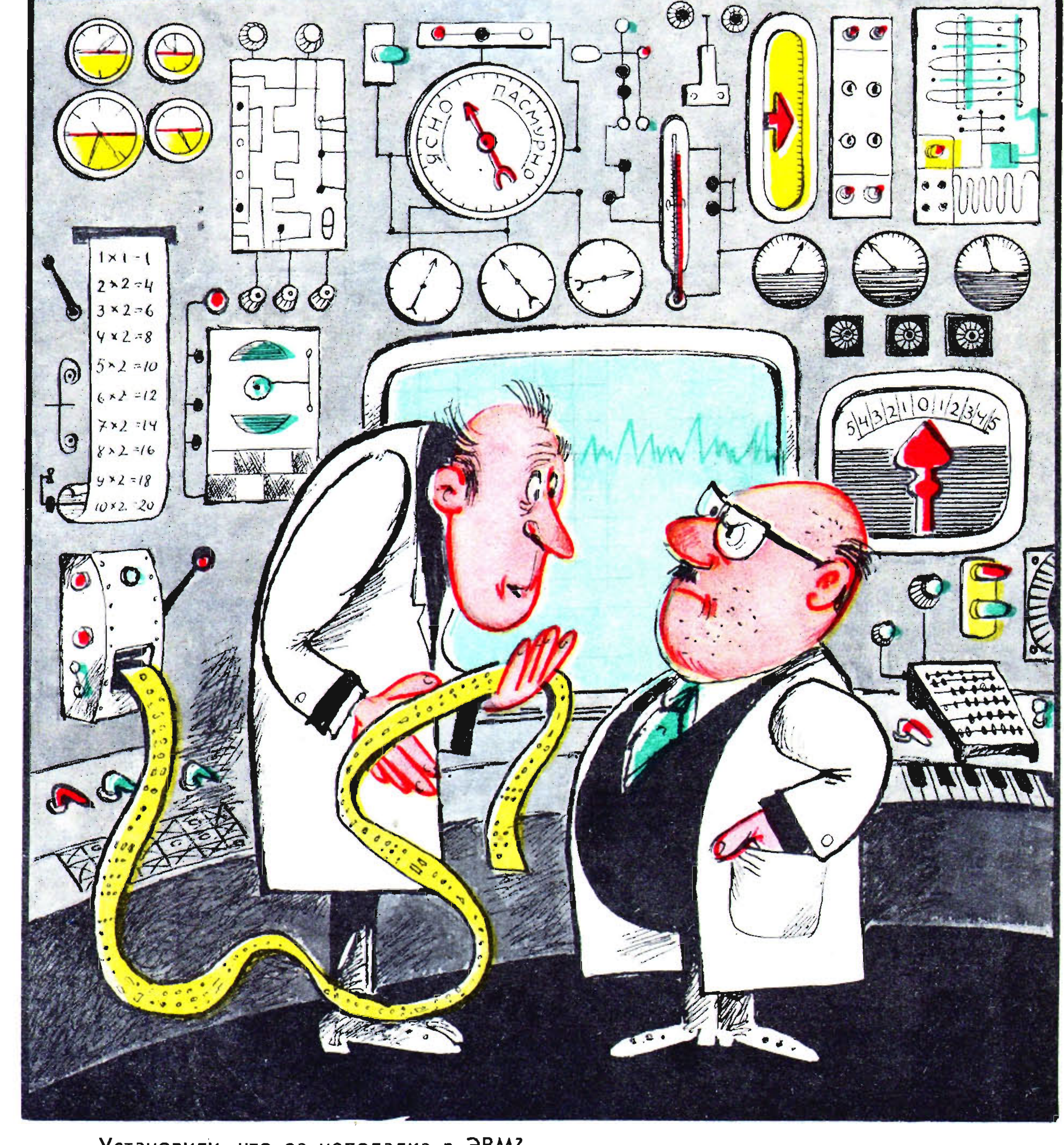
ЧТО БЕРУТ В РЕСТОРАНЕ

Предупредить должны мы сразу:
Насколько нам известно, тут
Берут коньячные заказы,
А чаевые... не берут!

ЗАСТЕНЧИВЫЕ ВИТЯЗИ

Едет стоя чуть живая
Старушенция в трамвае.
И сидят, как жар горя,
Тридцать три богатыря.

г. Ленинград

— Установили, что за неполадка в ЭВМ?
— К несчастью, довольно типичная... Боится принимать определенное решение!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Сергей ИВАНОВ

ХЭППИ ЭНД, ИЛИ ИСПОВЕДЬ ТАЙНОГО АГЕНТА

Каждый город имеет свое лицо. Неаполь, говорят,— город миллионеров, Нью-Йорк — город небоскребов, Кейптаун — город тайной полиции...

Тайный агент южноафриканской тайной полиции Эдлай Смит поднимался по ступеням торжественного, хотя и несколько мрачноватого здания англиканской церкви. Эдлай Смит шел на исповедь...

Простите, куда-куда? На исповедь?.. Да, на исповедь — нормальный трезвый расчет респектабельного агента. С начальством (так рассуждал наш герой) надобно ладить. И не только с непосредственным, но и с тем, что повыше... Словом, по разумению Смнта, господь бог явно того заслуживал, чтобы ухлопать на него два-три воскресных утра в полугодие...

Несколько минут молчаливого ожидания. Ничто не нарушало благоговейной тишины собора. Ничто не отвлекало Эдлая Смнта от высоких мыслей... До тех пор, пока он случайно не уронил взгляд на... собственный галстук! Боже праведный! А точнее говоря, черт подери! Как же Эдлай не замечал этого раньше: огромный голубой серп по бордовому полю!.. Бордо — это почти что красный, а серп — это почти что серп и молот!.. Галстук на прошлой вечеринке со льстивой улыбкой всучил ему младший осведомитель О'Мара. Подсиживает, сукин сын!.. Эдлай опасливо оглянулся: «А вдруг еще кто-то уже заметил?!» Душа его, схваченная за шиворот собственным подозрением, металась и плакала.

Наконец Смит занял место за темной ширмочкой. Прозвучало давно знакомое: «Я слушаю вас, сын мой...» Исповедники чем-то напоминают докторов: «На что жалуетесь, мистер Смит?» Только священники врачуют души... Умиротворившись этой мыслью, Эдлай с чистым сердцем отдался святому таинству исповеди.

— Я, видите ли,— начал он робко,— по отношению к своей супруге...

— Изменяете?

— До некоторой степени...

— Тяжкий грех, сын мой! Умоляю вас более этого не делать!

— Постараюсь...— Перед мысленным взором Эдлая мелькнули премиленькие ножки.

— Что же еще? — спросил исповедник.

— Э-э-э... Право, не знаю.— Эдлай Смит,

в сущности говоря, был весьма добропорядочным тайным агентом.— На прошлой неделе, пожалуй, выпил немного лишнего с друзьями...

— С друзьями?

— Ну да, с друзьями...

— И что же?

— Да вот, собственно, и все.

— А кто, позвольте полюбопытствовать, ваши друзья? — В голосе исповедника возникли и тотчас пропали какие-то новые нотки.

— Хм, мои друзья?..— Черт бы побрал этого святого отца! Не мог же Эдлай сказать, что у него друзья сплошь из тайной полиции! — По некоторым причинам я не могу ответить на этот вопрос...

— Вот как? Значит, что-нибудь эдакое, а?.. Признайтесь, старина! У вас была политическая сходка?

— У меня?! Вы, право, что-то...

— Ай, бросьте, приятель! — воскликнул исповедник.— Я же за вас! Кстати, может, по рюмочке?

Эдлай Смит беззвучно пустил несколько пузырей, словно зеркальный карп, вынутый из пруда. Между тем перед ним уже стояла рюмка с хорошо знакомой жидкостью.

— Я недаром заметил твой галстук! — весело продолжал исповедник.— Серп, красное поле...

— Но это же серп луны...

— Брось трепаться, парень! Я тоже красный!

Красный? Наконец-то настоящий красный! В животе Эдлая сладко булькнуло — верный признак того, что он напал на след.

— Ах! — фальшиво воскликнул он.— Какая встреча! Позвольте же вашу руку!

В эту секунду за ширмочкой что-то брякнуло. Но Эдлай Смнт не обратил на то никакого внимания. Он был занят: доставал из внутреннего кармана стальные наручники.

— Где же ваша рука, святой отец?

— Вот она!

Далее произошло невероятное. Эдлай молниеносно защелкнул наручники на запястье «красного англиканца». Но тотчас обнаружил, что стальное кольцо совершенно таких же полицейских наручников защелкнулось на его собственной руке...

— Что это значит? — слабо воскликнул Эдлай.

— Это значит, что ты попался, неблагонадежный щенок! — прошипел священник.— Я агент тайной полиции номер 1127/33! А за организацию нелегальных политических собраний...

У этой истории, однако, счастливый конец. Как говорится, хэппи энд. Недоразумение разрешилось, тайные коллеги расстались друзьями. И когда Эдлай Смит на все еще слабых ногах выходил из церкви, ему показалось, что сам святой Себастьян подмигнул ему со стены. «Чем черт не шутит! — пронеслось в голове у Эдлая.— Может, и этот парень уже у нас работает?»

...История, рассказанная здесь, при всей своей внешней фантастичности значительно реальнее, чем может показаться. Корреспондент агентства Рейтер передает из Кимберли (Южио-Африканская Республика): «Епископ Филипп Уилдон сообщил здесь, что полиция предложила одному церковному работнику (имени его епископ не назвал) служить осведомителем». Церковная газета «Хайвей» в редакционной статье заявила, что это уже четвертый случай вербовки церковников в агенты...

В одном из западных музеев.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

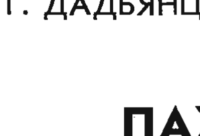

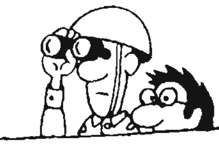
ДАЯН НА ГАСТРОЛЯХ

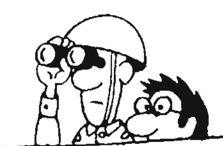
Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Г. ДАДЬЯНЦ

ПАХНЕТ АММИАКОМ

Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Джон Уилер сидел в бункере, обложенном мешками с песком, и наблюдал через бойницу, как южновьетнамскую роту выбивали с занятой позиции. Было довольно светло: от трассирующих пуль противника загорелся склад горючего для вертолетов.

Грохот стрельбы, сливавшийся в сплошной гул, иногда перекрывался уханьем американских авиабомб.

— Сколько бомб несут наши бомбардировщики «B-52»? — спросил Джон Уилер у находившегося рядом с ним американского советника.

Майор питал склонность к историческим сравнениям.

— До шестидесяти четырех тысяч фунтов, Джон. Разумеется, я имею в виду не только обычные фугасные, но и кассетные бомбы. Один такой самолет мог бы стереть с лица земли все римские легионы, осаждавшие Карфаген!

— А что такое кассетные бомбы?

— Минутку, сынок,— сказал эрудированный майор.— Давайте-ка переползем на вторую линию обороны. Сюда через десять минут ворвутся красные вьетнамцы.

Переползли.

Стряхнув глину с живота, майор заговорил:

— Ты спрашивал, сынок, что такое кассетные бомбы. Так вот, в каждой из них имеется больше четырехсот зарядов. Ударяясь о землю, они как бы подскакивают, а потом взрываются на высоте около восьми футов. Причем каждая разбрасывает в стороны тысячи поражающих осколков! Я уверен, Джон, что если бы у Наполеона были кассетные бомбы, ему бы не пришлось умирать на острове Святой Елены!

— Кажется, майор, мы внесли новое и в применение напалма?

— Разумеется, дружище! Но об этом я лучше расскажу тебе во-он в том бункере. Отсюда нас через полчасика выбьют.

— Да, так о чем мы? — спросил майор, выплевывая изо рта полфунта жидкой грязи, набранной по дороге в новый бункер.— Да, напалм. Теперь каждый наш сброшенный бак с напалмом разбрызгивает горючую смесь на площади больше чем десять тысяч квадратных ярдов... Если бы у Гитлера был такой напалм...

— Простите, майор, я вас перебью. Говорили, будто мы получили новый снаряд под названием «Бихайв»?

— Совершенно верно, Джон. Замечательная, скажу тебе, штука! Эти снаряды выпускают около десяти тысяч небольших стальных стрел. Стрелы летят густой тучей и имеют настолько большую пробивную силу, что на расстоянии четырехсот ярдов еще способны пробить стальную каску! Если бы у индейцев в свое время были такие снаряды, еще не известно, кто был бы сейчас у нас президентом! А ну-ка, сынок, бери ноги в руки — красные нас окружают.

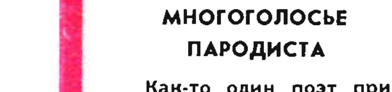
По ходам сообщения советник и корреспондент тяжелым галопом добрались до запасных окопов. Отдышались.

— Я вижу, майор, что мы испытали во Вьетнаме все новейшие виды смертоносного оружия,— продолжал Уилер.

— Абсолютно все, Джон. Ты видел вертолет «Кобра»? Великолепная машина, скоростная и легко управляемая. «Мини-пушки» «Кобры» рассчитаны на шесть тысяч выстрелов в минуту! Кроме того, под каждым вертолетом подвешено почти по сто реактивных снарядов. Если бы у питекантропов были такие вертолеты, они уничтожили бы все живое на земле и даже, возможно, самих себя, и мы бы с тобой не вели этого разговора!

— К счастью, майор, мы с вами цивилизованные люди.

— Да, но, к сожалению, мы имеем дело с дикарями вьетнамцами! Ты, наверное, слышал, что мы впервые применили во Вьетнаме лазерные лучи для точного наведения бомб на объекты. Так вот, вьетконговцы противопоставили нашей космической технике варварские методы каменного века! Они прибегли к помощи клубов густого дыма, сквозь которые наши лучи не пробиваются. Но скажу тебе по секрету: у нас есть кое-что получше. Мы изобрели для обнаружения солдат противника дозиметры, основанные на принципе подсчета ионов аммиака. Мы устанавливаем их на вертолетах, пролетающих над джунглями, где, по нашим предположениям, базируются коммунисты... Ты понимаешь, Джон? Аммиак в поте и моче даже небольшой группы людей может быть легко обнаружен на расстоянии... После этого нам достаточно вызвать артиллерийский огонь... Ай! На нас что-то посыпалось! Что? Что ты сказал, Джон? В этом проклятом грохоте я ничего не слышу! Да ползи же,

черт тебя возьми, они снова перешли в атаку!

* * *

Говорят, что Джон Уилер сейчас разъезжает по еще остающимся американским частям во Вьетнаме и пытается выяснить, какие именно виды новейшего американского оружия там не сработали.

Нам кажется, что скорее всего американцев подвели дозиметры по аммиаку. Они уловили аммиак над Южным Вьетнамом, но не смогли определить, что он исходил от Тхиеу.

Николай ЭНТЕЛИС

ИСКАТЕЛИ «СВОБОДЫ»

Согласно предписаниям службы политического сыска ФБР, любое выступление, в котором употребляются такие слова, как «свобода», «свободно дышать» и т. п., автоматически заносится в графу «подрывная деятельность».

— Ну, как! — промолвил шеф
сурово.
— О'кэй! — сказал агент О-2. —
До петухов трудился снова:
Искал крамольные слова.

В больнице, в оффисе,
в дороге
Вострил я уши, ваша честь.
Без ложной скромности, в итоге
Могу вам кое-что прочесть.

Я дошлый сыщик по природе
И предписаний верный страж:
Кто заикнется о «СВОБОДЕ»,
Того сейчас — на карандаш!

«СВОБОДНЕЙ,
милая, дышите!» —
Склонился доктор
над больной...
В словах смутьяна о бронхите
Призыв таится подрывной!

«Патрон, позвольте быть
СВОБОДНЫМ!» —
Учтиво клерк пробормотал...
Пора расправиться с негодным:
Тут безусловный криминал!
«СВОБОДЕН!» — бросил
энергично
Таксисту мистер средних лет...
За подстрекательство
публично
Его заставим дать ответ!

«На мне корсет сидит
СВОБОДНО!» —
Шепнула модница швее...
Держу пари на что угодно:
Преступный сговор в ателье!

— И все!!
Трудились вы бесплодно! —
Сердитый шеф повысил тон.—
Агент 0-6 засек СВОБОДНО
Сто сорок семь таких
персон!

Вы к нашей службе
не пригодны,
И мы не нянчимся с людьми:
Итак, отныне вы СВОБОДНЫ...
Что вы строчите, черт
возьми!!

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Судя по книге «Вниз головой», вышедшей в Южно-Уральском книжном издательстве, в Челябинске появился солидный отряд сатириков и юмористов. Владимир Иванов, Александр Петрин, Григорий Куденко, Григорий Спектор, Владимир Тараканов, Рамазан Шагалеев, Иосиф Лемешек, Владимир Огнев, Виктор Самарцев, Владимир Милютин, Анатолий Праведников, Константин Берегов, Виль Андреев — тринадцать авторов выступили здесь с веселыми рассказами, язвительными фельетонами, самобытными миниатюрами. Словом, сатирического полку прибыло!

А почему сборник называется «Вниз головой»?

А потому, что такова антиобщественная логика туповатых службистов, расточительных бесхозяйственников, хапуг, обывателей, всех тех, кого уральцы избрали героями своих сатирических произведений.

МНОГОГОЛОСЬЕ ПАРОДИСТА

Как-то один поэт признался в кругу коллег:

«Приятно все-таки, когда тебя цитируют. Цитируют — значит, читают. Читают — значит, любят...»

Пародист Александр Иванов очень любит поэтов. По этой причине он охотно цитирует их. И не только цитирует, но даже подчас развивает мысль, заложенную в произведении автора.

Вот, например, когда Сергей Островой в одном из своих стихотворений заявляет встревоженно: «Разрядите меня, как пушку, а не то я сойду с ума...», Александр Иванов спешит помочь поэту:

Скоро выстрелю в вас
поэму,
Привкус пороха на
губах.

Александр Иванов говорит разными голосами. Философической лирике Евгения Винокурова он посвящает пародию «Клопус вульгарис», имитирующую стиль этого поэта. Псевдозначительность некоторых стихов Беллы Ахмадулиной хорошо схвачена в пародии «Приключение в комиссионном магазине»...

И хоть книжка А. Иванова, вышедшая в издательстве «Советский писатель», называется «Не своим голосом», мы слышим самостоятельный, окрепший голос пародиста.

УНИВЕРСАМ или ВЕРБЛЮД И ИГОЛЬНОЕ УШКО

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Простите за откровенность, но я считаю рукоприкладство одним из самых мрачных пережитков прошлого и вообще гнусностью.

Хотя, правда, мордобой мордобою — рознь.

Если мужчина бьет мужчину, то имеется определенный риск схлопотать по физиономии в ответном порядке.

Ну, а ежели мужчина подымает руку на женщину, тем более подчиненную по работе, это уж совсем другая статья. Определенная статья Уголовного кодекса. А поскольку в подобных случаях статья УК, как правило, применяется, исключение тоже не исключено.

Оно и объявилось под городом Тихорецком, в здешнем зерносовхозе.

На молочнотоварной ферме четвертого отделения совхоза в самую жаркую пору прошедшего жаркого лета озоровало несколько доярок, обливая друг друга из ведер водой. И некоторое ее количество в разгар плескания попало на личность внезапно появившегося управляющего отделением И. П. Суровцева.

Можно было ответить шуткой, а можно и окриком. Суровцев, вырвав ведро из рук молодой доярки Таисии Некровец, стал старательно охаживать им доярку по голове. После ударов, от которых пострадала не только голова (в большей степени), но и металлическое орудие мести (в степени меньшей), оно было отброшено, и в ход пошли руки. Схватив Некровец за горло, Суровцев начал ее душить, кратко, но многозначительно оповестив:

— Убью!

Убийство не состоялось, но на следующий день появился акт судебно-медицинской экспертизы, а в нем с документальной точностью было зафиксировано зверское избиение.

Р. БЕРКОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ВЕДРОПРИКЛАДСТВО

Сам И. П. Суровцев, этакий крепыш с руками-молотами и с взглядом повышенной хитроватости, безмятежно-простовато толковал мне происшествие по-своему:

— Таисия Некровец — доярка что надо, но ведро она мне на голову вылила нарочно. Я очень испугался, потому что с самого детства боюсь воды, и с испуга стал вырывать у нее ведро. А если слегка оттолкнул, это тоже с испугу. Доярки сплетничают, будто от меня разило спиртным. Однако водочный запах на данный день следует считать недействительным, поскольку он опохмелкой закреплен не был.

Я думал, что никто не захочет и не сумеет придать скандальной истории более мягкую окраску, чем попытался сделать сам управляющий. И ошибся. Каждый из районных начальников, державших ответ на заявление Некровец и ее подруг по работе, нежностью относящихся к Суровцеву формулировок далеко обскакали его самого. Так, в официальных документах дикое избиение здоровяком мужчиной хрупкой женщины непринужденно трансформировалось в «недостойное поведение» (заместитель начальника райотдела милиции тов. Петров) и даже в «недостатки по отношению к подчиненным» (секретарь парткома совхоза тов. Романченко).

Однако рекорд в освещении происшествия на ферме поставил не кто иной, как сам первый секретарь Тихорецкого райкома КПСС тов. Я. П. Борисов. Вот его ответ в редакцию газеты «Сельская жизнь»:

«...Некровец внезапно облила холодной водой из ведра. Суровцев от неожиданности растерялся и стал отнимать у нее ведро, которое выскользнуло из рук и ударило ее по голове.

Фактов опьянения и оскорбления окружающих со стороны Суровцева не установлено.

За неправильные действия, допущенные к гр-ке Некровец Т. И., Суровцев будет обсужден на заседании парткома совхоза».

Ответ тов. Борисова крепко пришит в одном досье с показаниями свидетельниц. Они почему-то не сообщают диковинные сведения о «выскользнувшем из рук ведре», которое, презрев силу тяжести, взлетело вверх и само стукнуло озорную женщину по темени. Напротив, работницы дружно свидетельствуют, что имело место самое настоящее избиение. Словом, документ, подписанный тов. Борисовым, лишний раз доказал, что поговорка о всетерпимости бумаги, несмотря на свою древность, еще не во всех случаях утратила актуальный характер.

Краснодарский край.

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ЛАТУНЬ 96-й ПРОБЫ

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

от, уважаемый читатель, сколько, по-вашему, может стоить одна латунная втулка? И даже не целая втулка, а латунный обломок длиною с карандаш? Я думаю, что большинству этот металлолом будет без надобности, и за него вообще ничего не дадут. Ну, может, человек, которому он нужен до зарезу, тот расщедрится и даст рубль. А то и полтора. Однако это все будет не настоящая цена.

Настоящая цена за такую втулку — две тысячи рублей. А то и две с половиной. Только продавать ее надо, конечно, с умом. Сначала распилить ножовкой на колесики, потом эти колесики опилить-начистить и продавать как обручальные кольца. Ну, а любителей на эти колесики хоть пруд пруди.

Да, чуть было не забыл самого главного. Еще нужен гвоздь. Чтобы пробу ставить. А то без пробы, сами понимаете, это будет не совсем полноценный товар. Сейчас народ грамотный. Латунь покупает только девяносто шестой пробы. А меньшей и не предлагай.

Правда, есть в этом производстве и кое-какие тонкости, о которых я умолчу. Чтобы не попасть в соучастники. А то вот я написал, как в Москве продавщицы вино разбавляли лимонадом, а в Харькове нашлись последователи. Нас, говорят, Никольский научил. И вот фельетон с моей фамилией приобщен к делу. И теперь хожу в соучастниках, даже не знаю, как быть. Вроде, по совести, я этим дамам передачи должен посылать? Или как?

Так вот, лежит передо мной кусочек латуни, начищенный до невероятного блеска. Как говорится, чем больше блеска, тем меньше риска. И проба есть, все честь по чести. Золото. Вернее, не так давно это называлось золотом. Но теперь это уже не золото, а вещественное доказательство.

А сначала вроде бы все шло хорошо. Жили они в Донецке, Ростовской области, по улице Рассвета, дом № 1. Мужчины трудились над цветным металлом. Ножовка. Тисочки. Напильник. Латунь. Получались из этого добра обручальные кольца. Или пластинки для зубов.

А у женщин была роль другая — обманывать себе подобных. Если вы думаете, что тут им требовалось меньше изобретательности, чем мужчинам, которые из латуни делали «золото», то ошибаетесь. Тут все было разработано также исключительно тонко. И уважаемый Константин Сергеевич Станиславский мог бы только позавидовать таким отработанным мизансценам.

Женщины Раиса и Ирина ходили по домам днем. Примерно в то время, когда мужчины находились на работе. Им мужчины были ни к чему. Они предпочитали иметь дело с простыми хозяйками. Простыми, но в то же время состоятельными. Тут требовался подход.

Стук в дверь. На пороге — незнакомая женщина. Она одна. Ну совсем одна и очень несчастна. Спрашивает, не живут ли поблизости такая-то и такой-то. (Как видите, о золоте пока ни слова.)

Редкая не пригласит беднягу для разговора в дом.

Когда та входит, то, к изумлению хозяйки, входит она не одна, а с какой-то другой женщиной. Обе одеты скромно. Курточки из болоньи. Платочки. Сапожки. Правда, у обеих золотые зубы во рту, но это не слишком компрометирующая деталь.

Излагается легенда (как правило, всегда одна). Они жили в Ташкенте (или в Ашхабаде) и пострадали от жуткого, необычайного, сверхъестественного наводнения (хоть бы уж от землетрясения!). И вот пострадавших направляют в другие места (их эшелон на станции). Остались у них только золотые вещи, и они хотели бы продать их и купить теплую одежду.

Из приключенческой литературы мы знаем, что шпиона всегда снабжают легендой. Чтобы он мог сочинять без запинки. Но с такой легендой о наводнении в Ташкенте и Ашхабаде этот шпион был бы разоблачен в первом же детском саду. А тут люди взрослые и все принимают за чистую монету.

Осмотревшись, одна из аферисток говорит:

— Тут нас подружка ищет. Если позволите, пойду погляжу, где она.

Возвращается она действительно с подружкой (вроде уже с позволения), которая в этом спектакле играет совершенно определенную роль.

Подружка говорит, что уже продала свое золото, и показывает пачку денег. Кому она продала, говорить нельзя. Эту скромность хозяйка отмечает, потому что в случае чего и ее имя останется неизвестным.

Кроме того, хозяйка чувствует, что где-то по соседству уже делается большой бизнес и надо ковать железо, пока оно горячо. Чтобы не остаться в дурах, она просит показать, что у них за золото.

Наживка проглочена. Теперь надо аккуратно выводить рыбу.

Как это делается, лучше всего пояснить на конкретном примере.

Зобова Екатерина Павловна сразу обеими руками ухватилась за начищенное латунное кольцо. Примерила на палец — все хорошо. Но цена высока. Попробовала поторговаться, предложила от души тридцать рублей. Не подходит. Два кольца с пластинкой стоят пятьсот.

Нечего делать, предложила триста.

Вот тут двое подружек и начали уговаривать свою первую, строптиву, снизить цену, уступить за триста рублей. Уговаривают страстно, со слезами на глазах. На это они и были надобны, чтобы помочь сторговаться.

Сторговались. Расплатились.

Тут одна из трех вытаскивает из тряпицы новые два кольца и золотой кубик.

Говорит — поезд уходит, надо спешить, очень торопимся.

А у Зобовой только пятьдесят рублей осталось. Как тут быть? Но, спасибо, продавцы вдруг стали много сговорчивее. Или, может, на поезд спешили. Кто их поймет? Согласились взять вещами. Попросили пуховую шаль и шарф, которые лежали тут же на виду. Взамен отдали эти кольца и кубик. И исчезли.

И у Зобовой ни на минуту не возникло сомнения: как же так? Первые два кольца с пластинкой пошли за триста. А вторые, такие же, за пятьдесят (ну, какое-то барахло в придачу, все равно в пять раз дешевле).

А тут, как на грех, приходит муж Зобовой на обед. И начал сомневаться. На то он и мужчина. Смышленый пол. Решил показать кольцо зубному технику. Показал — и на тебе резюме — латунь, без малейших признаков драгоценного металла.

У Арефьевой спектакль был еще хлестче. Она работает продавцом. Продавец какой бы он ни был, на мой взгляд, должен разбираться в тонкостях торговли. Но, оказывается, и на старуху бывает проруха.

К ней эти две дамы с золотом явились перед закрытием магазина на обеденный перерыв. И предложили выгодную сделку. Кто от этого откажется?

Александра Даниловна пригласила этих дам к себе домой. Причем не захотела единолично наживаться и послала за соседкой, Яворской Антониной Андреевной. Пока суд да дело — налила гостьям супа. От кофе они отказались — сказали, что пьют только верблюжье молоко, к которому привыкли в Ташкенте еще до страшного наводнения.

Ну, коротко говоря, охватил наших женщин немыслимый азарт. Назанимали 220 рублей — мало. Отдали еще два одеяла. А пока Яворская бегала за своим одеялом, Арефьева в горячке выменяла за кофейный сервиз пластинку для зубов. Возвращается Яворская, видит, сервиза-то в серванте у Арефьевой больше нет. Она говорит:

— Лапочка, а что же тебе за этот сервиз муж скажет?

— Молчи, я с ним договорюсь.

А потом Антонина Андреевна Яворская заглянула к соседке и вот что рассказывает:

— Когда вечером я пришла к Арефьевой, то у нее был синяк, и муж сильно ругался.

Вот тебе и договорились!

Но не о синяке разговор. А разговор о том, что на эти болванки клевали не только малограмотные домашние хозяйки, но и представители интеллигенции — медицинские работники, учителя.

Причем, обратите внимание, довольно часто у покупательниц возникал вопрос: а откуда у вас столько золота?

На что следовал стереотипный ответ: возле Ташкента есть прииски (?), и там у всех много золота. И сразу сомнения исчезали. Не вдаваясь в детали, что возле Ташкента вообще нет никаких золотых приисков, люди, выходит, просто были уверены, что покупают золото ворованное. Потому что на приисках (даже ташкентских) золото не продают. На прииске золото добывают. Однако это обстоятельство никого не смущало. Более того, оно успокаивало. И люди проникались к аферисткам доверием. Во всяком случае, в отношении качества золота.

Если же сомнения оставались, то одна из золотонош вынимала из-под блузки крест, целовала его и клялась, что золото настоящее. Если и это не помогало, то проводилась даже экспертиза.

Вот, пожалуйста, Давыдова Нина Дмитриевна, комсомолка, преподавательница английского языка. Она рассказывает: пришла домой с работы. А дома мать, соседка и неизвестная женщина. Эта женщина предлагает купить старинное кольцо 96-й пробы за 125 рублей.

Поскольку Нина Дмитриевна — человек интеллигентный и считает, что физика и химия в средней школе дали ей необходимый минимум познаний, то было предложено для проверки окунуть кольцо в уксусную эссенцию.

Аферистка согласилась. Потому что эта неграмотная дама, которая в протоколе допроса вместо подписи ставила крест, разбиралась в химии лучше, чем наша преподавательница с высшим образованием. Она-то знала, что медь с уксусной эссенцией в реакцию не вступает.

Так оно и было на самом деле. «Золото» сияло прежним блеском и было куплено. Однако на следующий день учительница химии растолковала Давыдовой, что к чему, и дала для проведения опыта азотную кислоту. Результаты, конечно, были настолько плачевными, что их лучше не описывать.

Как видите, я рассказываю не столько о рыбаках, сколько о рыбах, которые очертя голову бросились на золотой крючок. О рыбаках говорить особо нечего. Они попались и сидят в тюрьме. Они должны возместить причиненный ущерб. Этот ущерб, разумеется, возмещается. Как сказали мне в суде, на сегодня возвращено уже шесть рублей. Судя по темпам, в ближайшую тысячу лет они свой долг не покроют.

Потому что список должников уж очень велик. Он похож на классный журнал — столько в нем фамилий. Потому что «гастроли» проходили в трех пунктах: Дубне, Московской области, Вологде и Котласе. А может быть, и еще где-нибудь, что, возможно, будет выяснено после опубликования этого фельетона.

И вот что интересно. Из всех обманутых людей в милицию по собственному почину обратились всего трое-четверо. Это, к слову сказать, и помогло задержать наших героев. Остальным потерпевшим было, вероятно, стыдно, что они остались в дураках. И они молчали. Конечно, возможно и то, что они просто не захотели расставаться с покупкой. Потому что латунное кольцо 96-й пробы тоже чего-нибудь стоит. На мой взгляд, это такой сувенир, который встретишь не часто. Что ж, пусть это послужит пострадавшим каким ни на есть утешением.

В. СУХАРЕВИЧ

ИЗВОДИТЕЛЬ

Замысел был высокопоэтический: в Кострому ехать автобусом, видеть сквозь прозрачные окна в багрец и золото одетые леса. Но так уж на земле все устроено: любые поэтические мечтания нарушает грубая проза. И мне захотелось написать об этом путешествии-происшествии не осеннюю элегию, а простой репортаж, точный, как милицейский протокол, и беспристрастный, как искреннее свидетельское показание. Только факты и одни факты. Итак, автобус «ЯРТ 94-71», который согласно купленному билету должен был отправиться 23 октября 1972 года в 7 часов 40 минут, был подан на автостанцию у метро «Щелковская» вовремя. Пассажиры уселись, но автобус не отправился.

— Почему стоим? Когда поедем? — раздались нетерпеливые возгласы.

Водитель молчал. Просто не удостаивал нас ответом. Но время от времени он сигналил, нарушая сладкий сон щелковцев и всем известное постановление Моссовета о запрещении звуковой сигнализации. Оказалось: нас должен отправить диспетчер, а его нет, вот и трубит от злости наш водитель. Все пассажиры, даже самые кроткие с виду, вскипели, когда она наконец появилась.

— Почему вы нас держите? Когда поедем? У вас по расписанию автобусы ходят или мухи ползают?

— Задержалась! — небрежно сказала диспетчер.— Уж очень много в этот час автобусов уходит.

— Нужно диспетчеров побольше завести.

— Вас не спросили! — оборвала критиканов диспетчер и приказала: — Отправляйтесь!

Наконец-то едем. С опозданием, но едем. Увы, красотами природы сквозь эти окна не полюбуешься. Кажется, их не мыли с выхода автобуса в первый рейс. Кресла на двоих, но они узки, без подлокотника в середине. Поэтому дедушка, севший со мной рядом, сразу привалился на мое плечо и заснул. Беспокоить его не хотелось. Попробовал я сам устроиться поудобней, но откинуть голову на подзатыльник не решился — ему положено быть белоснежным, а он был ядовито-зеленый, из какой-то давно не мытой дерюги. К счастью, скоро первая остановка — Загорск, там можно и дедушку разбудить и позавтракать. Но водитель объявил:

— Автобус стоит десять минут.

Какой уж тут завтрак! Боясь отойти от автобуса, мы переминались с ноги на ногу десять, пятнадцать, двадцать... точно: двадцать семь минут! Теперь уже загорский диспетчер ждал водителя. Ей мы и объяснили, что мы тоже люди, встали чуть свет и хотим есть. Почему же водитель будто назло объявил остановку на десять минут, а мы уже стоим... Тут появился водитель в кругу своих друзей и знакомых, розовый, хорошо подкрепившийся, самодовольный. Он небрежно выслушал диспетчера, изложившего наши претензии, и лениво ответил:

— Критиковать нас не приходится!

И все! Вероятно, мы должны быть вечно ему благодарны за то, что взял он все-таки в руки баранку и везет нас. После еды даже не прилег вздремнуть на часок. Нельзя сказать, чтобы водитель был мрачным человеком. Под табличкой «Разговаривать с водителем воспрещается» он вел самый веселый и непринужденный разговор. Со своими знакомыми. Их было много. Одного приятеля водитель вез из самой Москвы. Других подбирал на станциях и на дорогах, затем высаживал их вместе с грузами на окраинах сел и в центрах городов. А нам, так сказать, малопочетным и рядовым пассажирам, всюду объявлял:

— Автобус стоит десять минут.

Так он сказал и в Петровском. Но здесь автобус чинили, смазывали. И опять простояли мы 20 минут, не решаясь отойти даже на шаг, а кафе при этой станции давно закрыто на ремонт. Короче, первый и единственный пирожок мне удалось проглотить, не жуя, только в Ярославле. И торопился я из буфета не зря. Только сел в автобус, он тронулся. Диспетчер кричала:

— Подожди, еще один кушает! Подожди! Сию минуту выйдет!

Но водитель круто развернулся и поехал.

Но вот и Кострома.

— Остановите! Остановите! — закричали несколько пассажиров сразу.— Остановите у гостиницы «Кострома»!

Водитель обернулся, презрительно нас оглядел и буркнул:

— Не положено!

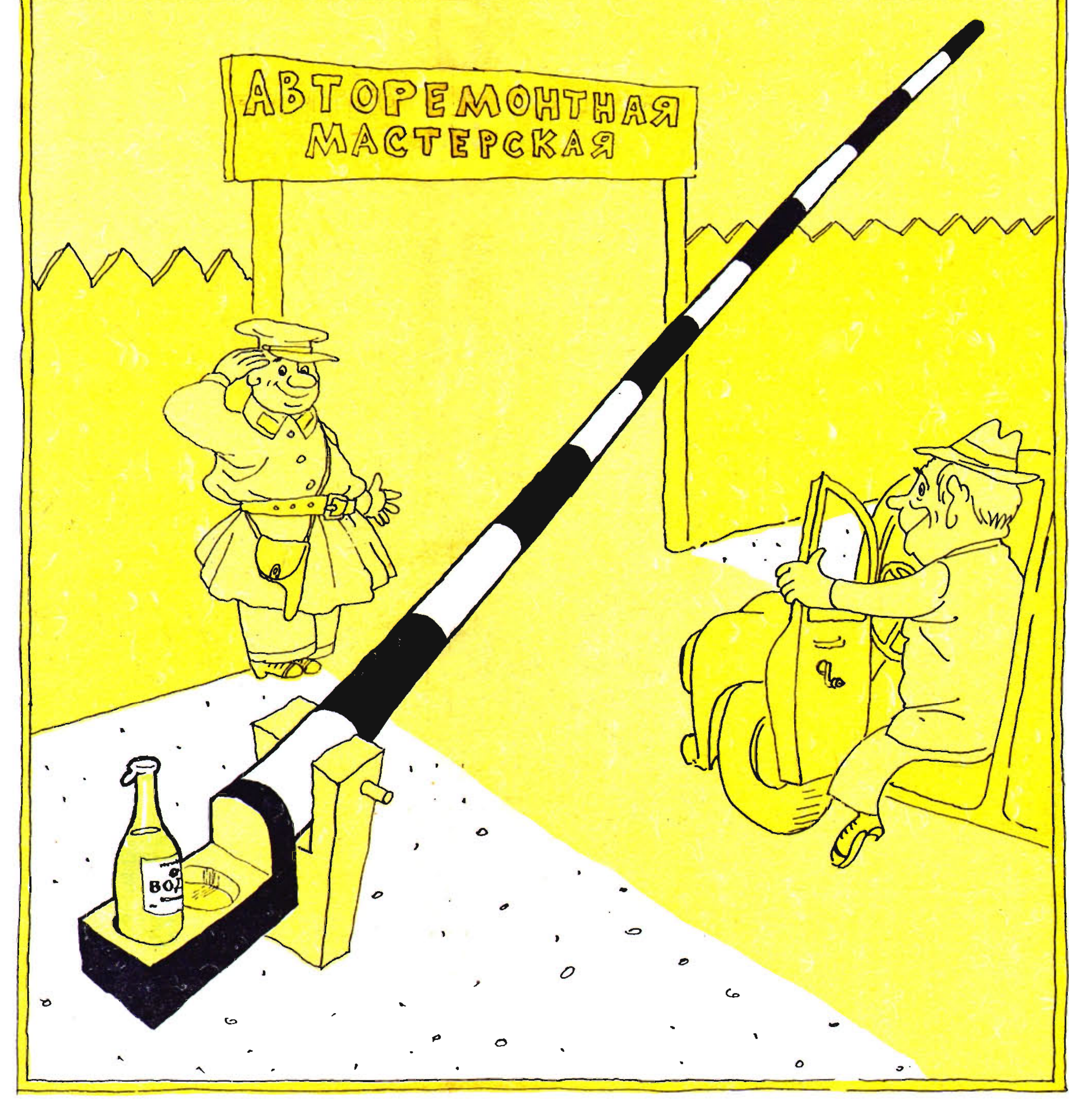
Человек, который на наших глазах развез чуть ли не по домам всех своих дружков из Московской, Ярославской и Костромской областей, провез нас через весь город и высадил только у автостанции. Бросились мы к такси, но водители объявили, что они едут только в дальние рейсы, а возить нас по городу им нет расчета. И тогда, разгневанные и грозные, подошли мы к нашему водителю вместе со старичком, который спал на моем плече. Я спросил фамилию мастера баранки.

— Бужов Борис Павлович. А что?

И было видно по его лицу, что он даже не понимает и, может быть, никогда не поймет, сколько раз за один рейс он нас обидел, оскорбил, выказал нам явное пренебрежение. И мой старичок неплохо ему сказал:

— Да разве можно тебе на людях работать, когда занятие твое любимое — изводить людей? Не водитель ты, а изводитель!

Москва — Кострома

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ШЛАГБАУМ

Рисунок Е. ГУРОВА

Шукурбек БЕЙШЕНАЛИЕВ

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Рассказ

Самак всю жизнь учился. Стал доктором наук. И шевелюра его растерялась по волоску среди страниц бесчисленных книг.

— Моя жена должна быть: а) красавица, б) умница, в) и чтоб любила меня беззаветно...— перечислял он, объясняя причины своей холостяцкой жизни.— Но, видно, уж такая моя планида: не могу найти такой женщины.

Но тетушка Самака дала себе страшную клятву: не я буду, если не оженю племянника!

Никто не хотел верить, но Самак женился! Его жена была: а) красавица, б) умница, в) любила его беззаветно.

Звали ее Гюлькан, было ей двадцать лет, и училась она в институте физкультуры.

Самак месяц ходил, как в тумане, не узнавая знакомых. Тетке-свахе он подарил электрическую швейную машину на двадцать операций и свою книгу с нежной надписью. Тетушка пять раз честно пыталась прочесть название книги, но у нее ничего не выходило...

Впрочем, Самак не изменился. С утра до ночи он, бормоча, выводил свои закорючки.

Гюлькан, молодая жена, однажды бесцеремонно ворвалась в кабинет:

— А ну, Самак, собирайся!

— Что? Зачем? Куда? — испугался муж.

— В поход! На водопад! Ребята уже ждут!

— К-к-какие ребята? — еще больше перетрусил тихий доктор.

— Студенты.

Ученый стал натягивать темно-темно-синий пиджак, потянулся за темно-темно-синей шляпой с большими полями...

— Ты меня смешишь! — засмеялась Гюлькан. И подала ему большой пакет.— На, подарок.

Через три часа Самак был высажен женой из тряского автобуса в совершенно диком месте. На степенном докторе наук — украшении симпозиумов и конгрессов — красовались: а) бордовые кеды, б) голубые джинсы с нарисованным на заду ковбоем, в) махровая рубашка с узором «турецкий огурец» и белая кепочка.

Из похода он вернулся с ощущением, будто его долго били палками...

Далее жизнь складывалась так. Самак посетил: а) три футбольных матча, б) две молодежные вечеринки с пением странных песен, в) концерт джаза; там он стойко боролся со сном, а когда задремал, то подскочил от ужасного трехминутного грохота барабанов.

Последней каплей явился бал во Дворце культуры. Жена учила мужа современному, но весьма трудоемкому танцу. Самак попробовал и отказался. Тут подскочил юный нахал: «Разрешите пригласить вашу дочь?»

Кроткий супруг лишь гневно засопел. И был скандал! Какой скандал!

— Я а) не турист, б) не болельщик, в) не пижон! — бушевал Самак.— Мне сорок, и я доктор наук!

— А мне двадцать...— всхлипывала Гюлькан.— Ты должен учесть это... У меня есть свои интересы!

Нет, они не развелись. Гюлькан пошла на жертвы. Полетели в шкаф джинсы и прочие пижонские штучки. Самак влез в темно-темно-синий костюм и впился в науку. Он трудился день и ночь.

Порой жена пробовала отвлечь его хоть на минутку. Робко прозмеивалась в кабинет, пыталась приласкаться. Муж жмурился, как котенок, у которого чешут за ушком, но...

— Гюлечка, яблочко мое, неудобно, не надо, я занят, мы же договорились...

И Гюлечка тихо плакала на кухне.

За это время она: а) посетила научный симпозиум, где муж выступал с докладом; б) удостоилась чести трижды быть в гостях у друзей мужа — ученых преклонного возраста, в) один раз принимала их же у себя. Светила науки чинно пили чай и рассуждали: а) о научных проблемах, и Гюлечка понимала лишь отдельные слова, б) о своих недугах, в) о недугах своих жен. Правда, Гюлькан ходила однажды в кино (тайно, вместо рынка).

Последней каплей явился очередной визит гостей. Молодая жена стала молча собирать вещи.

— Ты с ума сошла! — метался Самак.— Мы же догова...

— Я не могу,— плакала Гюлькан,— пять часов подряд слушать ученую ахинею и споры о том, что лучше: корвалол или валидол! Не могу! Мне не нужна роль домашней собачки!

Семья распадалась. Устный телеграф известил родичей. Собрался экстренный семейный совет. Охрипли, но ничего не выдумали.

— Я пойду к ним...— кратко и туманно пообещал седобородый аксакал из аила, оказавшийся случайно в городе.

Самак принял гостя внешне радушно, а сам подумал: «Принес шайтан его. О болезнях, наверное, нудить начнет!»

Старик хитро прищурился, похвалил Гюлькан, Самака, квартиру, спросил, как они живут. Неожиданно для себя Самак выложил все. Жена тоже не смолчала.

Аксакал помолчал, улыбнулся:

— Вы оба не правы. Ты хочешь, чтобы она жила как сорокалетняя. А ты хочешь, чтобы он поступал как студент. А это, дети мои, невозможно. Почему бы вам не попробовать... золотую середину? Тридцать лет?

— Как это? — взялся за подбородок Самак.

— А так! — закричала его жена.— Ты работаешь не круглые сутки, а полдня, как все люди. Раз ходим к моим друзьям, раз — к твоим...

— Раз — на футбол, раз — на доклад? — недоверчивым тоном продолжил муж.

— Да! И носишь ты не темно-темно-синий костюм, в котором тебе семьдесят...

— И не джинсы с ковбоем! — злорадно подхватил Самак.

— А серый костюм! — закончила Гюлькан.

— И так далее! — просветлел доктор наук и закружил ее.— Гюлечка, яблочко мое!

Так еще раз было доказано, что золотая середина — совсем неплохая штука...

Перевод с киргизского Эр. ЭДЕЛЯ.

Скорой помощи скорой помощи!

Ошибки в заголовке нет, запятая там не нужна.

А нужны меры, те самые, которые в обиходе называются принятыми.

Коллективно-горделивое письмо прислали работники Ейской городской станции «Скорой медицинской помощи». И оборудование-то у них первоклассное, и коллектив-то у них сложился такой дружный, что даже начальника никто не поругивает.

Вот все как один и сетуют только на южную погоду да на Ейский горисполком.

Грязь вокруг здания «Скорой помощи» настолько непролазная, что к больным впору не на легковой машине выезжать, а на тракторе.

Второй год взывают медики к горисполкому, а помощи от него все нет и нет: не привык горисполком к скорым мерам. Не отзывается — и точка.

Е. М.

— Т-с-с! К этому автолюбителю возвращается сознание!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Жив курилка!

В коридорах Восточно-Казахстанской областной автоинспекции появился гражданин с бараньей прической и нескромным взглядом. Он спросил, как пройти к начальнику литературной части. Ему указали.

— Доброе утро! — приветствовал гражданин человека, сидевшего под широколиственной сенью плакатов, обращений, предупреждений и прочей орудовской беллетристики.— Будем знакомы. Никифор Ляпис-Трубецкой, поэт.

Литначальник вскочил с резвостью молодого сержанта.

— О-о!.. Какая радость! — засуетился он.— Прямо не знаю, куда вас посадить!

— Сажать меня не надо,— сказал поэт.— Я ничего не нарушил. Я написал замечательные стихи. Специально для вас.

— Стихи нам нужны позарез,— захлебывался от радости литначальник.— У нас как раз намечен месячник безопасности движения. Нам очень требуется что-нибудь из области нарушения правил уличного движения — животрепещущее и вместе с тем нравоучительное.

— Вчера я задумался именно над этой темой. И у меня вылились такие строки — животрепещущие и вместе с тем нравоучительные:

ГАВРИЛА-ВЕЛОСИПЕДИСТ

Гаврила с самых малых лет
Обожал велосипед.
Катил малыш упрямый,
Просунув ногу в раму.
И, вероятно, потому
Кричали шофера ему:
— Эй, ты, коротконогий,
Не балуй средь дороги!

Литначальник, блаженно улыбаясь (стихи ему нравились), мучительно размышлял: «Фамилия Ляпис-Трубецкой мне очень знакома. И стихи что-то напоминают. Значит, поэт он известный. Но где я видел это лицо, эту неповторимую манеру держаться? Наверное, по телевизору».

Давно Гаврила стал большим.
теперь ГАИ в разладе с ним,—
звучал голос поэта.—
На днях автомашин поток
Велосипед его рассек.
В «героя» глупо поиграв,
Уплатил Гаврила штраф.
Но уплатил, не каясь,
Нахально улыбаясь,
Сынок Гаврилы-молодца
Во всем наследовал отца.
И смел он был и черноглаз
Был... Но вчера попал под «МАЗ».

— Ну как, нравятся? — спросил поэт.— Что с вами?

Литначальник вытер скупую милицейскую слезу.

— Жалко мальчонку. Черноглаз — и под «МАЗ». Это ужасно. Превосходные стихи! Нет ли еще? Например, о недисциплинированных пешеходах?

— Именно о них я вчера и задумался. Слушайте.

ГАВРИЛА НА УЛИЦЕ

Шел Гаврила вечерком,
Шел Гаврила прямиком:
Пробирался через скверы,
Перешагивал барьеры,
Колесил по мостовой...
Глядь, навстречу постовой:
— По твоей вине, Гаврила,
Сшиблись два автомобиля.
Задержать тебя придется...
— Тороплюсь...— Гаврила рвется...
Но спешить уж смысла нет:
Сел Гаврила на пять лет.

Литначальник сиял:

— Отлично! Туда ему и дорога, нарушителю! Издадим. Вывесим на видных местах.

И издали. И вывесили на видных местах.

Разумеется, литначальник прав, говоря, что стихи ему нужны позарез. Именно на темы безопасности движения, именно животрепещущие и нравоучительные. Но все-таки жаль, что он не вспомнил, где встречал поэта. А встречал он его на страницах романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Ведь перед ним был незабвенный Никифор Ляпис-Трубецкой, автор уникальной «Гаврилиады». Собственной персоной. Так сказать, эталон литхалтурщика.

Н. МОНАХОВ

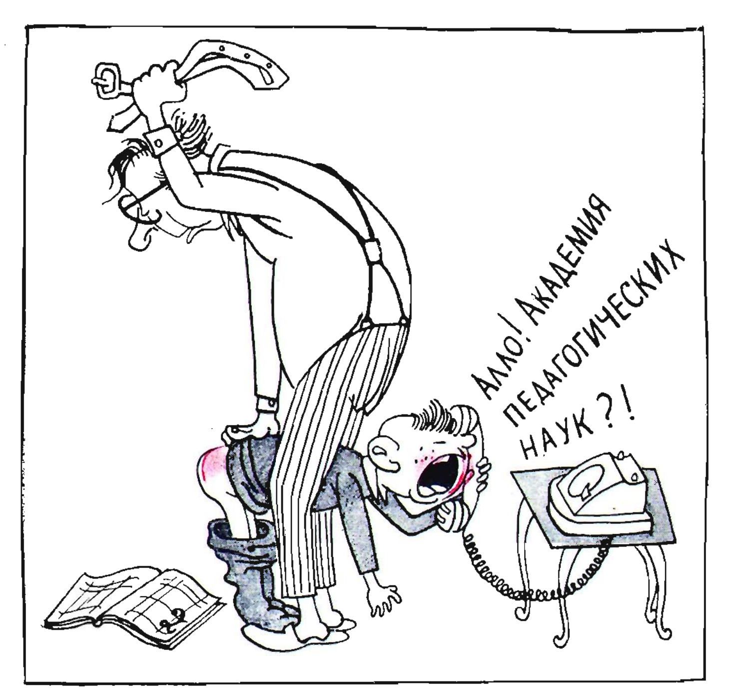

Рисунок О. КОРНЕВА

Подготовка к выступлению. Рисунок М. БИТНОГО

— Клюет?
— Да нет, поплавки крашу.

Рисунок О. ЕВГЕНЬЕВА

С. РОДИОНОВ

Рассказ

ОБЩЕСТВЕННИК

Некоторые думают не так, но Пуделев был не из их числа. Зарплата зарплатой, а с месткома тоже льготы капают, как дождичек в ведро: смотришь, и набежали то путевочка, то участочек, а вчера ему дали диетическое питание как старому курильщику, чтобы он морковными котлетами легкие прочистил.

Покурив после шашлыка из свеклы, Пуделев зашел в местком.

— Слушай, чего ты мне общественную работу не записал? — спросил он председателя.

— А ты кстати,— добродушно сказал председатель, потому что Пуделев был безотказным общественником.— Есть маленькое порученьице. Проведай вечером Ковалева, вторую неделю болеет.

— С удовольствием,— сразу согласился Пуделев.— Пусть хоть все слягут, всех проведаю. А что с ним?

— Вирусный грипп. Не то гонконгский, не то сингапурский.

Пуделев пошел работать, но слова «вирусно-сингапуро-гонконгский» растеклись по его мозгу, как автол по земле.

Он решил для профилактики наесться каких-нибудь таблеток, а уж потом идти к Ковалеву.

— Дай мне какого-нибудь антибиотику,— попросил он у соседа по кабинету, который питался таблетками, как бутербродами. Особенно любил такие большие желтые таблетки.

— А тебе от чего?

— Чтобы вирусы на меня не сели.

— Что ты! — удивился сосед.— Антибиотики на вирусы уже не действуют. Вирусы, можно сказать, антибиотиками уже питаются.

Пуделев окончательно сник. Вспомнил своего приятеля, у которого тоже все с вирусов началось: прицепились они к нему, пошел в рюмочную подлечиться, попал в вытрезвитель, а через год и жена ушла. Пуделев начал придумывать выход, который всегда есть, стоит его поискать.

Сначала он хотел завернуться в полиэтиленовую пленку и войти к Ковалеву, но ведь щелочка всегда останется. Еще можно пропитаться алкоголем, но тут они, не вирусы, а Ковалевы, могли понять все дело не в свете посещения больного, а в свете борьбы с алкоголизмом. Да и вирусы могут оказаться пьющими, сейчас все пьют.

И вдруг Пуделеву пришла оригинальная мысль, такая хорошая, что он тут же вскочил и побежал к председателю месткома:

— Слушай, дай мне на один вечер досаафовский противогаз.

— Зачем? — спросил председатель.

— Понимаешь, — замялся Пуделев.— Хочу в садоводстве опылить... этих... насекомоядных.

— Птиц, что ли? — удивился председатель.

— Да нет. Этих... плодоядных, овощеядных... ягодоядных. В общем, всеядных,— заключил Пуделев.

Председатель открыл громадный шкаф и достал противогаз...

В восемь часов вечера Пуделев вошел в сумрачную парадную, встал в уголок и с трудом надел тугой противогаз, пахнувший резиной и чем-то химическим. Он медленно пошевелил руками и ногами, как водолаз на глубине,— ощущение стало такое, будто его послали в открытый космос, а не Ковалева проведать.

Пуделев медленно двинулся по лестнице, ощупывая ногой ступеньки. Навстречу спускалась старушка, и он подумал, что рановато надел эту резиновую штуку.

Старушка поравнялась с ним, замерла и прижалась к стенке.

— Не бойся, бабушка,— сказал Пуделев,— я общественник.

Тут же из сумки, где лежала противогазная коробка, выдулось облачко белой пыли — мел или тальк. Увидев пыль и услышав, что маска загудела, старушка перекрестилась и стала оседать на ступеньки.

— Да общественник я! — крикнул Пуделев.

— Нету у меня денег, родной, все бы тебе отдала,—жалобно призналась старушка и окончательно села на ступеньку.

Пуделев махнул рукой и поднялся на площадку третьего этажа. Он поправил шляпу, которая лежала не на макушке, а на колесах-очках; вытащил из сетки курицу полупотрошеную, купленную Ковалеву по решению месткома для поддержания его сил, и нажал звонок.

Дверь открыла жена Ковалева, которая работала у них же и знала его, как свои домашние туфли. Поэтому он вежливо под противогазом улыбнулся. В ответ та ухватилась двумя руками за дверь, будто решила немедленно снять ее с петель.

Даже если бы Ковалева увидела сейчас перед собой учрежденческого бухгалтера, которого похоронили на прошлой неделе, и то испугалась бы меньше, потому что было бы ясно, что стоит бухгалтер, которого похоронили на прошлой неделе. Но перед ней стояло непонятно жуткое существо с резиновой рожей и громадными стеклянными глазами. А сверху лежала шляпа, что было еще страшней — одна зеленовато-резиновая морда без всякой головы.

Пуделев засосал через трубку воздух, чтобы сказать погромче, и чихнул.

— Ой! — тихо вскрикнула жена Ковалева, потому что существо дернулось и глухо ухнуло.

— Пуделев я! Общественник! — крикнул он.

Когда существо завыло, Ковалева хотела бежать к больному мужу, но ноги не двигались, будто она встала в цементный раствор.

— Пуделев я! Проведать мужа! — орал он что есть мочи.

У него уже мелькнула мысль снять на секунду маску и показаться, но вирусы могли сидеть и на жене — муж и жена одна сатана.

Тогда он в знак подтверждения, что зашел не просто так, а проведать, выдернул курицу из газеты и поднес к лицу Ковалевой, держа за длинную, как резиновая кишка, шею. Ковалева отшатнулась, но устояла.

— Петуха дали, паразиты! — закричал он.

Ему стало жарко, душно, стекла запотели.

— Да Пуделев я! — стукнул он себя петухом в грудь.

Ковалева наконец сделала шаг назад, не спуская глаз с беснующегося чудища с петухом.

Тогда он, чтобы она поняла его фамилию, которая происходила от пуделя, вдруг стал на четвереньки и в противогазе, ловко перебирая руками-ногами, побежал прямо на нее, волоча петуха по полу и завывая под резиной, что он Пуделев.

Ковалева завизжала на весь дом и бросилась бежать по коридору... Пуделев вскочил и выпрыгнул на лестницу. Он несся по улице в противогазе, рассекая прохожих своим воем, как сиреной...

На второй день к нему подошел председатель месткома:

— Пуделев, выручай, есть срочная общественная работенка. Тут от жильцов поступило заявление, что какой-то идиот пугает граждан резиновой маской. В дружине сегодня подежуришь, а?

— Это можно,— вздохнул Пуделев.

г. Ленинград.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Михаил ВЛАДИМОВ

Какого цвета отдых?

Сняли ставку затейника
В доме отдыха «Ли́зово».
И купили на деньги те
Восемь штук телевизоров.

Просят легкие воздуха,
Сердце жаждет общения,
Но без выхода-отдыха
Мы сидим в помещении.

Чудо века включается —
Вот сейчас будет весело:
Рассмешить постараются
Тарапунька со Штепселем!

Закружиться бы вальсами...
Только в зале спокойненько:
Современными танцами
Занимается... Школьников!

От гитары лирической
Как бы сердце затенькало!..
Да одна лишь в наличии
Есть гитара... Сличенкина!

Прогуляться как
к озеру,
Киноочерк поведает,
А спортиграми Озеров
Или Спарре заведуют!

* * *

Шли сигналы конкретные:
«Скука серая в «Лизово»!»
Заменили!..
Директора!
Нет, увы, телевизоры:
Мы, мол, выводы сделали,
Положенье исправили!
...Унесли черно-белые,
А цветные поставили!

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Фойе малого зала
Как управлять мужем
Вечер клуба женщин „Марічка"

Из плана работы Дома культуры.
Прислал С. Ларкин, г. Донецк.

Ценник в мебельном магазине.
Прислал Ю. Аблицов, г. Ташкент.

Дорогой Крокодил!
Я спросил в справочном бюро аэровокзала, где найти управление местной гражданской авиации. За десять копеек мне дали справку, которую тебе посылаю.

прямо пойдешь

Согласись, что ее стиль немножко сказочный. Подобные справки давались рыцарям на распутье...
А. Шуваев, г. Красноярск.

«ЧЛЕНОВ МЕСТНОГО КОМИТЕТА ОПУСКАЙТЕ В ЛЕВУЮ УРНУ».

(Объявление на профсоюзном отчетно-выборном собрании.)

Прислал В. Рутковский, г. Пермь.

Фото А. Озерского, г. Ярославль.

29 октября
на стадионе «ДИНАМО»
в г. Горьком будут ВПЕРВЫЕ ПРОВОДИТЬСЯ соревнования служебных собак с дрессировщиками. Начало в 10 часов, вход платный.

Газета «Горьковская правда».

Объявление в бане № 2
г. Ростова-на-Дону.
Прислали Б. Гольдвассер и Г. Осокин.

Виктор
ЖЕМЧУЖНИКОВ

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

Прогресс — это прирост здравого смысла.

Поезда не перестают быть поездами оттого, что их временами загоняют в тупик.

О том, чего не было, лучше не вспоминать.

Больше всех на свете людей любили каннибалы.

Сначала появились праведники. Затем народились грешники.

Когда ошибаются глупцы, это не беда, беда, когда ошибаются гении.

До понимания некоторых истин можно не только дорасти, но и опуститься.

— Учет техники у нас на должной высоте!

Рисунок
Б. СТАРЧИКОВА

Не помню, где я вычитал эту историю с волшебником, которому устроили квалификационную проверку.

Сначала все шло хорошо. Волшебник превращал камень в золото, лебедя в принцессу и ближайшую развалюху — в хрустальный дворец.

Но тут встал один из экзаменаторов и предложил:

— Сделайте сейчас то, что будет после.

И чародей вздохнул, признав свое поражение. Чего нельзя, того нельзя! В самом деле, если сделать «сейчас», то как же это будет «после»?

Эта история мне вспомнилась, когда в прошлую среду я повстречал соседку тетю Нюру. Она только что воротилась из «Гастронома» и сказала мне, качая головой:

— Нету на свете ничего невозможного!

В доказательство показала яичко, снесенное ...завтра. Я не оговорился. Не вчера, не сегодня, а именно завтра. У меня самого поначалу возникли некоторые сомнения на этот счет, но тетя Нюра развеяла их в дым, повернув упомянутое яичко на 180 градусов. Синим по белому обозначился штамп Куйбышевской птицефабрики с грядущей датой четверга, «23». А сегодня было лишь 22-е, среда. Передо мной было чудо, которого не мог совершить вышеупомянутый волшебник. Передо мной было будущее яйцо.

Впрочем, на Куйбышевской птицефабрике не только производят завтрашние яйца. Там умеют влиять и на размеры продукции. Не так давно, например, фабрика предъявила торгсети 18 тысяч яиц величиной разве что с наперсток. И тем не менее на микрояйцах красовался штамп: «Диетическое первой категории».

Нет сомнения, что при помощи этих чудес директор фабрики Н. С. Рунчев желал повысить рентабельность родного предприятия. Цель, конечно, благородная, но путь, избранный к ней Н. С. Рунчевым, восхищения у потребителей не вызывает.

Мих. ЛЬВОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Кому вручить восковые розы?

«Волшебства», подобные описанному, к сожалению, случаются не только на Куйбышевской, но и на Христофоровской, Лозоватской и прочих птицефабриках. Но не будем делать трагедию из отдельных ошибок Птицепрома. В конце концов, может быть, руководство птицефабрик осознает и извлечет все, что нужно осознать и извлечь, а самое главное — определит более эффективный и более законный путь к укреплению экономики производства.

А мы с вами, дорогой читатель, пойдем дальше, потому что не единым Птицепромом жив человек. Мы заглянем в ближайший приемный пункт, названный каким-то обувным поэтом «Чеботком», и попытаемся сдать в починку полуботинки. Чудесная пара, за которой вы гонялись полгода, но только жмет в подъеме. Надо бы немного растянуть...

— Ах, растянуть! — разочарованно восклицает приемщица, и вы явственно слышите в ее словах скрытый подтекст: «За 50 копеек, да?» — В растяжку не берем!

Можете обойти затем все поэтические «Чеботки», «Минутки», «Черевички» — все капитальные и «моментальные» заведения обувной службы — и нигде с вами не захотят говорить по поводу ничтожной растяжки. Тихо, без шума все мастерские выбросили деревянные колодки, на которых производится эта несложная операция, и нынче могут вам с полным правом заявить:

— Не берем. Нету колодок.

Зайдите в любой пункт починки, и вы увидите, как тщательно, основательно, придирчиво отбирается «материал для выполнения плана». Приемщица умело регулирует поток, беспощадно отсекая «выгодное» от «невыгодного». Так здесь понимают борьбу за рентабельность.

Директор Днепропетровской фабрики по ремонту и пошиву обуви А. С. Турлаков, с которым мы обсуждаем эту проблему, искренне сокрушается:

— А ведь говорилось им, и не раз, чтоб не упускали ни одну пару!

Ладно, переживем и обувные неприятности.

От этой беготни по мастерским появился аппетит. Не пора ли нам подкрепиться?

Вы заходите в столовую номер... Впрочем, какой номер, безразлично, потому что всюду то же самое. Вы заходите в столовую и заказываете официантке первое, второе... А на третье — стакан крепкого, душистого, горячего чая. Но, взглянув на лицо представительницы общепита, вы спохватились, что сморозили глупость. В столовой есть портвейн, шампанское, жигулевское, ситро «Холодок», есть что-то похожее на какао и кофе. Но чай?!

— Чай?! — переспрашивает официантка, и вам слышится подтекст этого короткого слова: «За три копейки, да?»

Да. Три копейки — это дешево. Вы заплатили бы и вдвое больше. Но и это не устраивает работников общепита. Если люди будут пить чай, а не шампанское или хотя бы «Біле міцне», то можно ли выполнить план? По свидетельству Днепропетровской торговой инспекции, чай изгнан даже из многих школьных буфетов. Единственное место, где можно наверняка выпить стакан чая,— это фирменный поезд «Днепр». Но прежде вам придется купить железнодорожный билет за 16 руб. 70 коп. и отправиться в Москву...

Ну, ладно. Худо-бедно — пообедали. Теперь можете отправляться в универмаг за покупками. Там вы найдете ножницы за полторы цены из-за того, что к ним приделали никому не нужную загогулину. Подарочный набор, в котором среди восковых роз, стародавних статуэток, авторучек, водруженных на мраморный постамент, и прочего хлама приютились три нужные вам позарез тарелки. Здесь имеется и штопор в виде большого ключа. Этот гибрид покоится в шикарной бархатной шкатулке, стоимость которой в два раза выше стоимости самого сувенира...

Это решили поправить свои дела металлисты (загогулина), универмаг (тарелки с «прицепом») и завод сувенирных изделий (и. о. штопора).

...Вчера я снова встретил тетю Нюру. Со свойственным ей чувством здорового реализма она сказала:

— Я могу купить дорогую вещь, если она того стоит. Но выбрасывать деньги не люблю. Вот пусть мне продадут тарелки не по рублю, а по полтора, и я возьму. Но восковые розы — извините, этот хлам мне даром не нужен. Розы я оставляю тем, кто придумывает всякие глупости, считая всех потребителей и покупателей простофилями.

Она права. Но кому же отдать розы?

г. Днепропетровск.

Ба! Знакомые все лица!

Оглядываюсь я на ушедший 1972 год и подсчитываю, так сказать, дебет-кредит. Прикидываю, все ли сатирические выстрелы попали в цель, все ли материалы принесли людям пользу. Одним словом, подбиваю бабки. И убеждаюсь, что по большинству моих выступлений приняты практические меры, многие недостатки изжиты.

И вдруг вижу, вернее, угадываю, что на замерзшем окне моего кабинета вырисовывается какая-то наглая физиономия. Физиономия подмигивает мне и хрипловато произносит:

— Алло! Вы меня слышите? Это я, грабитель Филин!

Именно так назывался фельетон Е. Дубровина, опубликованный в третьем номере за прошлый год, припоминаю я. Его герои, ворюги Васька по прозвищу Перебей Нос и Филин, специализировались на раскурочивании товарных поездов.

— Неужто грабитель Филин?! — не верю я собственным глазам.— До сих пор на свободе?

— А чё мне сделается? С охраной на железной дороге по-прежнему не густо,— лыбится Филин и возникает на стекле во весь рост.

Да, это он — та же пыжиковая шапка, то же импортное пальто, те же кольца на руках. Только во рту обновка — два золотых зуба.

— Свои-то, наверное, в один из налетов повыбивали? — с тайной надеждой интересуюсь я.

— Я ж говорю, мало охраны — лоб в лоб с нею не столкнешься,— досадливо морщится Филин.— А зубов я лишился, злоупотребив уворованными кондитерскими изделиями.

— А в МПС позваниваешь?

— Непосредственно в Управление военизированной охраны. Люблю пошутковать. Скучно жить, когда тебя не ловят. Да и, по правде сказать, выдохся на железнодорожном грабеже. Столько перетаскал за этот год добра, что конечности ноют. Пора и отдохнуть.

— Пора,— соглашаюсь я.— Кстати, чем занимаются в охране? Что они говорят о твоем заслуженном отдыхе? Заместитель министра путей сообщения П. Лемещук, от которого я получил письмо, настроен на этот счет довольно пессимистически.

— А, все обещают,— машет он рукой.— Все мероприятия разрабатывают. То месячник по охране грузов проведут, то школу по передаче опыта откроют, то приказ издадут. Вроде работа кипит, а я вот он — целехонький. У нас с корешом Перебей Носом своя школа передового опыта. Правда, месячников грабежа у нас нету — мы грабим круглый год. И ого-го сколько монет на этом деле заработали! Сплошные тысячи... Ну, ладно, бывай — ждет меня один уютный перегончик...

И он исчезает прежде, чем я успеваю схватиться за свои вилы. «Впрочем, беда небольшая,— думаю я,— ведь грабитель Филин — герой собирательный. Гораздо печальнее, когда безнаказанными остаются реально существующие потрошители вагонов. Но тут уж кончаются мои полномочия. Тут слово за Управлением военизированной охраны МПС».

А мороз рисует на оконном стекле новые диковинные узоры. Они переплетаются друг с другом, и вскоре я отчетливо различаю чью-то обмякшую фигуру.

— Вы кто, собственно, будете? — вглядываюсь я в новое видение.

— Перед тобой представитель алкогольного мира города Тюмени, магазинный выпивоха, собутыльник любого встречного и поперечного, а еще точнее, невинная жертва,— расшаркивается видение, наполняя при этом кабинет запахом ерша из «Красного десертного» и «Солнцедара».

— Чья жертва, если не секрет? — прошу я уточнения.

— Жертва той самой винно-водочно-коньячной торговой сети, которой опутан наш город и о которой правдиво поведано в фельетоне Эр. Эделя «Пельмени в Тюмени».

— Как же, как же, был такой материал,— вспоминаю я.— В 26-м номере. В нем осуждалась не в меру широкая торговля спиртным в Тюмени.

— Вот именно — осуждалась,— подхватил представитель алкогольного мира.— А, между прочим, все питейные точки остались на своих местах. Недавно я попробовал стать трезвенником и не смог. Согласен — отчасти по причине бесхарактерности. Но, с другой стороны, кто знает, не будь соблазна, может, и завязал бы.

— Очень может быть,— соглашаюсь я.— Кстати, на этот фельетон мне прислали два ответа: начальник областного управления торговли А. Савиных и заместитель директора треста столовых И. Сергеев.

— Это уже интересно,— оживляется невинная жертва.— Ну и как, признают ли они свои ошибки? Обещают ли уменьшить количество алкогольных родников?

— К сожалению, не признают и не обещают. Более того, они игнорируют основную тему фельетона, делают вид, будто не заметили ее, умело обходят вопрос о перенасыщенности городских магазинов и кафе разноградусными напитками.

— Трясутся за план, а на мой подточенный организм им начхать,— вздыхает собутыльник любого встречного и поперечного.— Эх, пропащая я головушка!

Тюменское видение заметно бледнеет, очертания его становятся расплывчатыми. Я открываю форточку и проветриваю кабинет. Морозный воздух быстро разделывается с запахом винных паров. От перепада температуры узоры на стекле начинают видоизменяться. Я внимательно вглядываюсь в них и обнаруживаю нечто новое, филармоническое...

— Ха-ха-ха! Здррасьте! Здрасьте, почтеннейшая публика, дорогие отдыхающие энд местные аборигены,— по-эстрадному четко выговаривает очередное видение.

— Вы, должно быть, ошиблись окном,— неуверенно говорю я.— По-моему, в прошлом году ни один из моих героев подобным образом не выражался.

— Ха-ха-ха! — искусственно смеется видение.— Посмотрите, какой «юисельмонсель»! Если его поливать, как растение, он, пожалуй, вырастет до ящера. Я, с вашего разрешения, гангстер эстрады, заезжий халтурщик из фельетона «А кто будет?» Ю. Самойлова.

— Разве после моего выступления директор Кисловодской филармонии Василий Игнатьевич Ешенко не избавился от вашего брата-халтурщика?

— Ха-ха-ха! — рыдает он.— Бросьте мне спасательный круг, пока я не утонул от неудержимого смеха в собственном свитере. А кто в таком случае выйдет перед почтеннейшей публикой? Кто даст план, если своих талантов директор Ешенко не взлелеял?

И, выдав еще одну порцию утробно-сардонического хохота, гангстер эстрады откланивается. Я вспоминаю о кофе и отхлебываю глоток. Интересно, кто еще из моих героев пожалует в гости? На замерзшем окне вырисовывается этакая сытая, гладкая физиономия, показывает мне нос и даже многозначительно усмехается:

— Вы, небось, думали, что мне по шапке дали. Ан нет. Жив еще Чигай, сосуществует.

— Ох вы, горе мое, «Горе луковое»,— говорю я сокрушенно, сразу догадавшись, что это видение из одноименного фельетона Я. Полищука — о «диких» бригадах издольщиков, нанимавшихся в совхозы Чечено-Ингушетии.— Где-то вы теперь? Кто вам целует пальцы?

— Насчет пальцев это вы немного хватили... А вот где теперь? Да всюду! Я, можно сказать, вездесущ,— нахально говорит видение.— Словом, нанимаюсь и буду наниматься.

— Это и понятно,— киваю я.— Поскольку прокуратура республики не находит ничего противозаконного в том, что бригады издольщиков извлекают из государственных земель частный доход.

Я подхожу к окну, и последнее видение, очевидно, испугавшись меня, поспешно скрывается за студеными узорами.

А я, оставшись наедине, задаюсь вопросом: кто же мешает должностным лицам бороться со всеми этими типами, устранять недостатки, на которые я обращаю их внимание? Почему они в данных конкретных случаях манкируют, ссылаются на трудности, отписываются или вообще не откликаются на мои материалы? Если они думают, что от моей критики можно отмахнуться, они глубоко заблуждаются. Их неминуемо ждут новые сатирические удары.

КРОКОДИЛ

— Что это все вместо клуба в церковь тянутся?
— Темнота...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ПЕЧОРСКИЕ ПИРАТЫ

Плыл по Печоре катер «Омуль», на котором находилась оперативная группа «Комирыбвода». Капитан судна — опытный речной волк — в оба смотрел по сторонам. Вдруг слева по борту возникла посудина. В ней два молодца. «Омуль» приблизился.

— Эй, на палубе, кто такие будете? — спросил районный инспектор В. И. Порошкин.

— Отпускники мы,— ответствовали с посудины.— А нынче рыбаки. В Усть-Цилемский райпотребсоюз на сезон подрядились.

— Попрошу промысловый билетик.

— Его нет,— почесали в голове сезонники.— Вернее, есть... Только сейчас нет... Он у старшого, а тот на охоту ушел... Тьфу ты!

— Понятно,— констатировал районный инспектор.— Придется у вас моторчик отобрать до выяснения ваших личностей. Да сеточка у вас более ста метров... Это браконьерское орудие лова...

— А вы кто такие будете? — задиристо спохватились рыбачки.

Инспектора предъявили документы и, погрузив на катер отобранные снасти, продолжили охоту на браконьеров. Тем временем один из сезонников на всех парусах дунул к заместителю председателя Усть-Цилемского исполкома Г. М. Беляеву. В рабочее время он, между прочим, Григория Михайловича на машине возил.

— Ну, как улов, выкладывай! — с интересом спросил Г. М. Беляев. — На мою долю наловил?

— Рыбинспекция нас застукала,— насупился водитель.— Отобрала и рыбу и снасти.

— Ах они, пираты! — вскипел Г. М. Беляев.

Благородный гнев Григория Михайловича был понятен. Сам он слыл знаменитым браконьером не только в родном районе, но и прогремел на всю Коми АССР. Однажды даже угодил на страницы республиканской газеты «Красное знамя» — был героем фельетона «Сети с дырками».

— Улов, говоришь, отобрали?— бушевал Г. М. Беляев.— Ну, задам я им перцу!

И тут же поднял телефонную трубку, связался с председателем Новоборского сельсовета.

— Собашников? Это Беляев. Под носом у твоего сельсовета пираты бесчинствуют. А ну, спусти на воду свою флотилию. Укроти их. И пришли ко мне. Действуй!

И вот к борту катера подплыла армада во главе с Собашниковым.

Посмотрели на флагшток — флаг без костей и черепа. Вроде бы не пираты. Однако поднялись на палубу и стали осматривать имущество. Особенно старался Собашников. У него был зуб на рыбинспекцию. Несколько лет назад он привлекался к уголовной ответственности за браконьерство...

— По какому праву вы производите обыск? — возмутилась команда «Омуля».— Где у вас санкция прокурора?

— Это не обыск,— дружелюбно улыбнулся Собашников, заглядывая в кастрюлю с ухой.— Это просто знакомство. А вообще-то с вами жаждет поближе познакомиться наше районное начальство.

Пришлось «Омулю» взять курс на Усть-Цильму. И вот районный инспектор В. И. Порошкин предстал перед заместителем председателя исполкома Г. М. Беляевым.

— Как посмели отбирать рыбу у моих рыбаков?! — вместо знакомства вскричал Григорий Михайлович.— Это чистое пиратство в наших районных водах! И вообще вы все время пьяные...

Возмущенный В. И. Порошкин пулей помчался в районную больницу. А потом прибежал обратно, размахивая справкой о трезвости.

— Все равно вы грабители! — не унимался Григорий Михайлович.— Прошу зайти к начальнику милиции.

Пришлось объясняться еще и в милиции.

По милости Г. М. Беляева оперативная группа «Комирыбвода» бездействовала целых три дня. То-то было радости браконьерам!

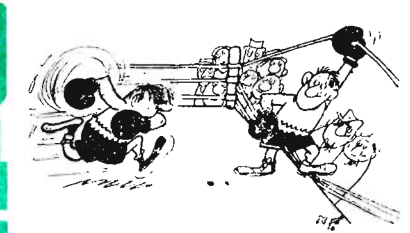
В. КАНАЕВ

Усть-Цилемский район,
Коми АССР.

— Я с ним знакома только неделю. Поэтому и заставила привести побольше свидетелей.

Рисунок **А. ЦВЕТКОВА**

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Вельт дер арбайт», ФРГ.

Г. БРАУН (Англия)

Опровержение анекдотов

— Хватит! — стукнул кулаком по столу старый Ангус Мак-Дуглас.— Надоели мне эти анекдоты о нашей шотландской скупости! Только и слышишь истории вроде такой: «Жили в Эбердине три брата-шотландца. Один из них уехал в Америку. Когда спустя двадцать пять лет он вернулся домой, его встретили два обросших бородами человека. Это были его братья. Первое, о чем они его спросили: «Не увез ли ты с собой в Америку нашу общую бритву?»

Многочисленное семейство со страхом глядело на Мак-Дугласа.

— Надоели мне такие глупости! — бушевал старик.— Я докажу, что настоящий шотландец может так же широко тратить деньги, как и представители всех других народов. И шотландец может быть транжиром и мотом!

— А как же вы это докажете, дедушка? — задала вопрос самая хорошенькая из его внучек.

— Как? — переспросил старик и, растягивая слова по слогам, произнес: — Да я на глазах у всех прикурю настоящую гаванскую сигару от пятифунтовой банкноты!

Счастье, что в доме старика Мак-Дугласа не было виски, иначе вся бутылка ушла бы на то, чтобы привести в чувство девять едва не потерявших сознание членов его семьи. Им пришлось отпаивать друг друга водой.

Младший сын Мак-Дугласа Вилли был хладнокровный человек, но и у него дрожал и срывался голос, когда он нарушил молчание:

— Прикурить гаванскую сигару от пятифунтового билета! Да на эти пять фунтов вся моя семья прожила бы две недели, еще осталось бы! Отец, подумай, что ты хочешь сделать!

— Помолчи, Вилли! — оборвал его старик.— Есть различные возможности возместить эту мою расточительность. Прежде всего я уверен, что посмотреть на то, как шотландец прикуривает гаванскую сигару от пятифунтовой бумажки, захотят по меньшей мере сотни две жителей нашего города. Каждый из них должен будет уплатить по полпенни!

— Полпенни с человека! — воскликнул Вилли. Остальные слушали деда, затаив дыхание.

— Далее. Наша всем известная газета «Щедрый шотландец», выходящая тиражом в десять тысяч экземпляров, но имеющая два с половиной миллиона читателей, не откажется заплатить мне три фунта за право первой напечатать репортаж об удивительном событии! В-третьих, поскольку я все это проделаю во славу родины, думаю, что правительство сочтет возможным выделить мне одну настоящую гаванскую сигару бесплатно.

— Бес-плат-но! — как эхо повторили члены семейства.— Настоящую гаванскую!

Самый младший внук Мак-Дугласа Берт не мог сдержать недоверчивой усмешки. Однако все остальные продолжали ждать окончания речи Ангуса Мак-Дугласа. Все они чувствовали, что сказано далеко не все. Так и было.

— В-четвертых,— добавил старый Мак-Дуглас,— неужели вы думаете, что я стану прикуривать сигару от настоящей пятифунтовой бумажки? Я только сегодня обнаружил, что мне позавчера подсунули в магазине фальшивую банкноту!

УЧАТСЯ И СМЕЮТСЯ

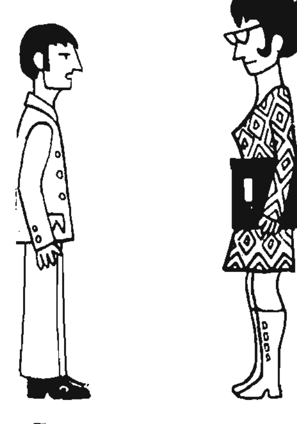
В Болгарии популярен юмор, в Болгарии много смеются. Смеются на знаменитых габровских праздниках — карнавалах. Смеются, хохочут на танцплощадках, ибо на танцплощадках звучит не только музыка, тут обязательны и «юмористические антракты». В городах и селах страны проводятся состязания острословов.

Смех звучит со страниц болгарского собрата «Крокодила» — еженедельника «Стыршел». Со страниц газеты «Народна младеж», которая ежегодно проводит международные конкурсы юмористических рассказов. Смех звучит также со страниц необычной газеты, носящей название «Средношколско знаме». Эта газета большого формата выходит сорок раз в год. Издается Софийским горкомом комсомола и отделом просвещения городского народного совета. В штате редакции всего восемь человек. Газету делают ученики старших классов. Их перу, их карандашу, их кисти, их фотообъективу принадлежат публикуемые в «Средношколском знамени» статьи, очерки, рассказы, фотографии. Многие из бывших активистов этой газеты окончили журфак Софийского университета и стали известными ныне репортерами, обозревателями, редакторами, художниками.

Ежегодно в газету приходят новые авторы, иных за руку приводят мамы:

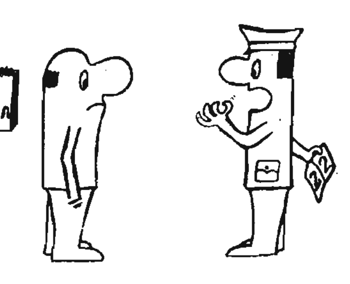
— Посмотрите карикатуры моего ребенка. По-моему, он явно обладает чувством юмора!

И правда. Посмотрите. Перед вами рисунки из газеты «Средношколско знаме».

— Почему ты не решил контрольную задачу?

— Когда мне надо принять какое-нибудь трудное решение, я всегда советуюсь с отцом, а он сейчас в Пловдиве.

— Папа, знаешь, какую шутку я для тебя приготовил!

Б. ЕГОРОВ

— Вы новая секретарша моего мужа?

— Да.

— Надеюсь, вы не столь энергичны, как ваша предшественница...

— А кто была моя предшественница?

— Я.

●

— Сколько стоит веер?

— Одни стоят 10 крон, другие — 18.

— Цена, видимо, зависит от качества?

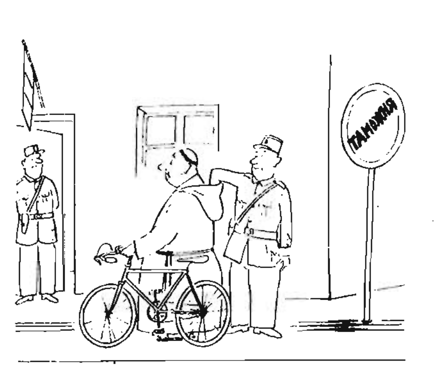
— Не совсем так. Веером за 18 крон можно обмахиваться, а веер за 10 крон нужно держать перед собой и махать головой...

●

В кухне Ольсенов взорвался баллон с газом, и Ольсен вместе с женой, подобно ракетам, вылетели одновременно сквозь крышу. Соседи удивились:

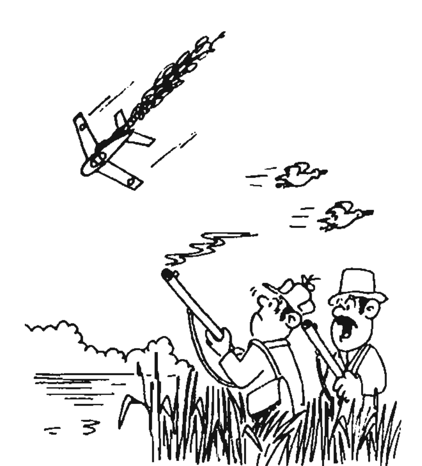
— Подумать только! За тридцать лет супруги впервые вместе вышли из дому...

●

«Эуропео», Италия.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Ты не думаешь, что у тебя будут неприятности с военно-воздушными силами?

«Актуэльт», Норвегия.

— Ну, Оскар! Буди своего папочку!

«Биллед-бладет», Дания.

Ральф УРБАН (Австрия)

НАДЕЖНЫЙ ПРИЕМ

Два продавца одного из венских универмагов, возвращаясь с работы, встретились в трамвае.

— Безобразно все же организовано дело на транспорте! Едем, словно сардинки в банке! — воскликнул Егер.— Вам далеко?

— Тридцать минут приходится сидеть в трамвае,— ответил Шверфегер.

— Сидеть?! — засмеялся Егер.— Прелестная шутка! Стоять, хотите вы сказать?

— Ну, зачем же стоять! Я и так целый день на ногах. Мне почти всегда уступает место какая-нибудь дама.

— Ах вы, шутник! — захохотал Егер.— Хотел бы я посмотреть хоть на одну такую даму.

— Пожалуйста. Вон, например, возле выхода сидит дама в белой шляпке. Спорю на две кружки пива, что она предложит мне сесть!

— Да ведь ей под сорок! Спорю на четыре кружки! Завтра в буфете универмага, так и быть, выпью их вместе с вами! Как вы заставите ее уступить место?

— У меня есть надежный прием,— ответил Шверфегер и протиснулся к месту, где сидела дама.

Он нагнулся к ней и, отечески усмехаясь, сказал:

— Едва держусь на ногах, сударыня!

Дама возмущенно взглянула на него:

— Не понимаю вас, сударь!

— Простите,— смущенно заикаясь, сказал Шверфегер.— Простите, я подумал, что такая молодая, в расцвете сил женщина могла бы уступить место уставшему, старому, одинокому человеку.

— Пожалуйста! С удовольствием! — ответила польщенная женщина.— Что ж вы раньше не сказали?!

— Посоветуй мне, что купить жене на день рождения?

— Лучше всего будет, если ты сам у нее спросишь.

— Ну, таких денег у меня нет!

●

— Папа, почему у тебя нет автомобиля?

— Потому что у меня нет денег на его покупку. Но если ты будешь прилежно учиться в школе, то наверняка сможешь купить себе автомобиль, когда станешь взрослым!

— Папа, почему же ты в школе был таким ленивым?

●

— Нам действительно необходимо получить новую квартиру, господин муниципальный инспектор!

— Посмотрим, посмотрим...

— У нас так текут потолки, что во время дождя приходится приделывать к телевизору автомобильные стеклоочистители, чтобы разглядеть изображение на экране...

●

Джона призвали на военную службу. На комиссии спросили, какой род войск он хотел бы избрать.

— Я хотел бы служить во флоте,— ответил Джон.

— Отлично! Будете служить на подводной лодке.

— Ни в коем случае!

— Но почему же?

— Потому что я привык спать с открытой форточкой!

●

— Жан, признавайся честно, кто писал тебе домашнее сочинение?

— Честное слово, не знаю, мсье, я рано лег спать...

КРОКОДИЛ

№ 2 (2048)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, Ю. Ганф, А. Грунин, О. Евгеньев, В. Мохов, Л. Немировский, И. Смирнов, Б. Старчиков, Ю. Степанов, М. Ушац, Ю. Федоров.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 27/XII 1972 г. А 02504. Подписано к печати 8/I 1973 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 500 000 экз. (1-й завод: 1—3 320 000). Изд. № 16. Заказ № 3937.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Под давлением США страны НАТО приняли решение увеличить военные расходы на 1,5 миллиарда долларов. Эти деньги пойдут на закупку вооружения в США.

ВЫЖИМАЕТ...

Рисунок Ю. ГАНФА